

Елена Васюта

Три истории о любви

Только для женщин

Елена Васюта

Три истории о любви

«Издательские решения»

Васюта Е.

Три истории о любви / Е. Васюта — «Издательские решения»,

Дорогие мои читательницы! Если, прочитав мою книгу, вы сделаете в жизни меньше ошибок, я буду считать, что моя задача выполнена. Желаю вам много радости, счастья и большой настоящей любви. Е. Васюта

© Васюта Е.

© Издательские решения

Содержание

Все будет хорошо	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**Три истории о любви
Только для женщин
Елена Васюта**

Посвящаю моим дорогим Олюшке, Натику и Василисочке.

© Елена Васюта, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все будет хорошо

– Ну, Сенька, ты и дура! Ну и дура же ты беременная! – ругала Томка свою лучшую подругу.

– Я не беременна!!! – в который раз со слезами повторяла Сенька, – не беременная я!

– До сих пор удивляюсь, как это ты с твоими куриными мозгами и все еще не беременная? – не унималась Томка, – А я тебе говорила! Говорила я тебе?!? Бросит он тебя! Не пара ты ему, или он тебе... Вот лошара! Не подходишь ты ему! Паразит навозный! Ты себя в зеркало видела? – Красавица! А он – тьфу! И глядишь ты – бросил!

Томка органично перешла на критику бывшего Сенькиного ухажера.

Брошенная девушка третий день сидела дома и тихо плакала. А вот энергичная натура Томки требовала немедленных действий.

– Так, будем рассуждать трезво! – скомандовала она, наливая водку в фужеры для шампанского.

– Пей! Поможет.

Сенька не поняла, чем водка может помочь: рассуждать трезво или в смысле настроения. Но перечить не стала. С Томкой нельзя было не соглашаться, так как существовало два мнения: одно Томкино, другое неверное. В дружбе девушек явным лидером была Томка.

Они выпили. В голодном Сенькином животе сразу стало жарко, голову «обнесло», как выражалась ее бабушка, а на душе и впрямь полегчало. Томка тоже немного захорошела, язык развязался, и подруги принялись строить планы на будущее, точнее, на ближайшие выходные.

– Тетка с мужем отбыли в отпуск, – продолжала Томка, – мне ключи от дома оставили, типа цветочки поливать. Так что наша святая обязанность собрать всех наших в субботу у тетки в доме. Наверное, и Вовчик будет. – Мечтательно закончила она.

Томка была энергичной особой, ее веселый смех, казалось, мог раздаваться в институте в нескольких местах одновременно. Она не отличалась красотой. Но молодые люди с радостью шли на контакт с бескомплексной девушкой, может быть, это могло бы перерасти в глубокие чувства, но до них не доходило, так как Томка быстро остывала, разочаровывалась и кидалась завоевывать следующего кавалера. В настоящий момент Томка сохла по Вовчику, парню с пятого курса, пишущему лирические стихи в студенческую стенгазету.

Сенька соглашалась со всем предложенным подругой:

– Ага, к тетке, ага, с ночевкой, ага, Вовчик.

Договорившись встретиться в субботу утром на вокзале, девушки расстались.

Протрезвев, Сенька хотела отказаться от поездки, но потом передумала:

– Отдохну на свежем воздухе, позагораю, – решила она.

Сенька жила в Санкт-Петербурге четыре года. Сколько она себя помнила, этот город был ее наваждением, мечтой. В школе она училась хорошо, потому, что знала – ей поступать в Питере в институт. В какой ВУЗ поступать – не главное, главное – в Питер! И вот ее мечта сбылась. Она поступила в технический ВУЗ, ей дали место в общежитии, родители присылали каждый месяц деньги. Живи и радуйся! Но тут, очень некстати, в ней пробудилась любовь. С предметом своих воздыханий она познакомилась на выставке каких-то древних черепков, куда ее потащила соседка по комнате Томка. У Томки в тот момент был простой в чувствах.

– Надо ходить на выставки! Где еще можно познакомиться с приличными мужиками? – повторяла она Сеньке.

Его они заметили сразу, так он выделялся из толпы. Высокий, стройный, прекрасно одетый молодой человек внимательно разглядывал стенд с битыми черепками. Томка

подошла поближе и с энтузиазмом увлеченной натуры начала расхваливать Сеньке, но чтобы ему было слышно, красоту облезлой керамики. Она очень старалась обратить его внимание на себя. Но он, почему-то, выбрал Сеньку.

– Вам здесь интересно? – спросил он.

Сенька покачала головой.

– Если честно, нет. Скучно.

– Хотите, я покажу вам кое-что очень интересное?

Так произошло знакомство с Леонидом, потом возникла любовь. Но, как оказалось, любовь возникла у Сеньки, а не у него.

Томка часто говорила, что они не подходят друг другу:

– Посмотри, кто он, и кто ты! Да его папаша никогда тебя не признает!

Сенька понимала, что подруга права. Она и не строила серьезных планов, да и Леонид ей ничего не обещал, но все равно, было так больно и обидно!

Немного успокоившись, но устав от переживаний, Сенька пришла к поездам. Почти вся компания была в сборе. Даже Вовчик согласился ехать на природу. Погода стояла жаркая, в городе народ задыхался от жары. Билеты уже были куплены, электричка подошла быстро, все ввалились в вагон. Минут через тридцать вывалились где-то в сосновом бору и направились по дороге к загородному дому Томкиной тетки.

Место, где жили родственники Тома, было замечательное! Небольшое озеро, вытянутое в одном направлении, было вокруг сплошь заселено дачниками. Дачных поселков было два. Один имел нормальное название Родничок. Видимо, где-то на его территории бил родник. А вот другой назывался Искорка. Непонятно кто и почему дал такое название поселку, где преобладали деревянные дома.

Позже были построены два коттеджных поселка Озерный и Правобережный. Была еще небольшая деревня с прекрасным названием Бережки. Так что вокруг озера громоздились дома, дачи, домики, все это соединялось сложной системой дорог и подъездных путей. Только у самой воды оставалась зеленая, дикая зона для отдыха. Тут и там стояли палатки, жарились ароматные шашлыки, слышна была музыка.

По каким-то закоулкам Томка провела друзей к дому.

Молодежь быстренько переоделась и побежала на берег озера. Сенька тоже пошла со всеми.

– Тома, ты извини меня, хочу одна побыть. Я возьму матрац, поплаваю? Ты меня не теряй. Я сама приду.

Томка не возражала, тем более, Вовчик был рядом.

Сенька заколола повыше волосы, аккуратно легла на плавсредство и поплыла подальше от берега. На глубине стихли все звуки, ни смеха, ни музыки. Так хорошо, тихо. Матрац мерно покачивался на волнах. Надвинув на лицо соломенную шляпу, Сенька, измученная бессонными ночами, заснула.

Макс любил уединяться в своем небольшом доме на берегу лесного озера. Озеро так и называлось – Лесное. Когда-то вокруг него был сосновый бор. Но сейчас горожане, стремясь слиться с природой, повырубали деревья, понастроили домов, домишек, домищ, у кого какие возможности. Только подальше от берега стихали звуки человеческой суеты.

Макс купил себе деревянную лодку на веслах и с удовольствием греб на середину озера, отдыхая от людей, от неискренних отношений, от искусственных чувств.

Тихонько двигая веслами, он плыл по озеру, наслаждаясь красотой природы, когда увидел впереди какого-то чудака на надувном матраце.

– Может, ему плохо? – подумал Макс и подплыл поближе.

Какого было его удивление, когда на матрасе он увидел лежащую девушку. Она не шевелилась. Макс разглядывал незнакомку.

– Очень красивая фигура, – думал он, – а вот лицо, наверное, крокодильское. Спит она, что ли?

– Девушка! Девушка! Вы спите? – позвал он негромко.

Из – под соломенной шляпы отозвалось:

– Сплю. Вы мне мешаете.

– Простите, ради Бога, но мне кажется, что спите вы уже очень давно.

– Это почему?

– Потому что вас отнесло на середину озера. И я не представляю, каким образом вы доплывете до берега.

Девушка приподняла с лица шляпу, посмотрела на один берег, повернула голову, посмотрела на другой. Наконец, она сфокусировалась на мужчине. В ее глазах был ужас.

– И что же мне делать? – спросила она.

Макс вынужден был признать свою неправоту насчет крокодила. Незнакомка была чудо, как хороша. Волнистые черные волосы обрамляли красивое лицо девушки. Легкий румянец красил бледную кожу. Длинные ресницы, черные брови классической формы, синие, как фиалки, глаза девушки создавали образ естественной красоты, неподвластный порче косметикой. Он невольно залюбовался ее чувственным изгибом рта, полными, яркими губами.

– Не волнуйтесь, я отбуксирую вас. Где вы живете?

Вот тут Сенька начала понимать весь ужас создавшейся ситуации. А она не знает, где она живет! Она не знает названия поселка, ни улицу, ни дом, ни фамилию Томкиной тетки. Телефон, конечно, она оставила на берегу. Как они петляли по дороге от станции, она тоже не вспомнит, так как Томка всех вела не по нормальной дороге, а, как короче, по-хитрому.

Заметив панику в глазах девушки, Макс повторил вопрос:

– Вы где живете? На какой берег вас везти?

– Я не знаю. Я тут в первый раз. Мы к подруге в гости приехали.

– А где ваша подруга живет?

– В доме теткой Томки. Вернее, Тома в доме тети живет. А где этот дом, я не знаю. Не помню. Я не посмотрела.

Макс с задумчивым удивлением смотрел на чудную девушку. Не оставлять же ее здесь одну, на середине озера?

Солнце начало клониться к закату, жара спала. Чувствовалось, что мокрая девушка начинает замерзать и клецать зубами.

– Давайте, перелезайте ко мне в лодку, – сказал он.

Чтобы расположить к себе бедолагу, он, держа девушку за руки, помогая ей перелезти через борт, спросил:

– Как вас зовут?

– Есения. – Какое у вас красивое и редкое имя, – сказал Макс, а подумал – прекрасное имя для прекрасной девушки. – А меня зовут Макс.

Он втащил Сеньку с матрасом в лодку.

– Ну, куда прикажете?

Сенька не знала куда.

– Поехали ко мне. А там будем думать. Не на воде же ночевать!

И он энергично стал грести веслами, пока лодка не ткнулась носом в деревянный мосток. Макс привязал ее цепью к металлической скобе, а весла забрал с собой.

– Что, воруют? – поинтересовалась девушка.

– Не совсем. Могут использовать как горючий материал для костра.

Он отдал Есении свою футболку, и они пошли по траве, чтобы не поранить ее босые ноги, к дому. Идти было совсем недалеко.

Дом Макса по сравнению с другими домами, был очень скромным. Ни башенок, ни галерей, ни зимних садов. Простой одноэтажный дом с мансардой под крышей.

– Заходите, – он пропустил Сеньку вперед

– Давайте как-то вас оденем. Вот гардеробная, выберете что-нибудь, можете душ принять. А я сооружу ужин.

Есения огляделась. Помещение небольшое. Мебели минимум.

При входе – шкаф-купе, затем туалетная комната. Вдоль другой стены – небольшой кухонный гарнитур. У стены напротив – большой, красивый камин, рядом два кресла, вдоль стены диван и столик на колесиках, сервировочный. В углу, противоположном кухни, лестница, ведущая на второй этаж. Вот, пожалуй, и все. Это явно убежище холостяка. Женщине в таком доме понадобилось бы намного больше мебели.

Есения выбрала себе светло-голубую рубашку, белые носочки и мужские плавки из новой упаковки. Последняя часть туалета далась ей с большим душевным колебанием. Но мокрый купальник так натер тело, что заглушил муки совести. Она подумала, что из-под рубашки трусов видно не будет. Приняв душ, переодевшись во все сухое, она вышла в комнату. Ее волосы слегка подсохли и струились по спине мягкими, блестящими волнами, спускаясь ниже талии.

Макс залюбовался девушкой. Ее стеснение и нерешительность тронули его. Все его подруги были какие – то жесткие, самоуверенные и дерзкие. А эта девушка другая, из другого мира. Мира настоящих эмоций, искренних переживаний и естественной женственности.

– Есения, идите сюда. Мясо дожаривается. Сейчас будем есть. Вы прекрасно выглядите. – Не удержался он от комплемента.

Сенька села за небольшой столик. На плите аппетитно шкварчали два больших куса свинины. В красивой тарелке были нарезаны помидоры, зелень и хлеб. Бутылка красного вина и два фужера дополняли композицию.

Сенька хотела сказать хозяину что-то приятное, поблагодарить его, но выпалила следующее:

– А где я буду спать?

Макс показал на диван.

– Больше нигде.

– А вы?

– Я лягу на втором этаже. У меня там небольшая мастерская. И диван там тоже есть.

Он разложил мясо по тарелкам. Только сейчас Сенька почувствовала зверский голод, ведь она с утра ничего не ела. Она не могла оторвать взгляд от этой восхитительной свинины и у нее кружилась голова.

– Сейчас все съем! – думала она.

Макс с улыбкой наблюдал за своей голодной гостьей. Из всех рубашек она выбрала именно эту, его любимую. Есения была не просто красива, она была прекрасна. Черные волосы оттеняли белую кожу лица, спадали на женственные плечи, опускались по груди вниз. Ее васильковые глаза смотрели на него все еще с испугом, нерешительно.

Чтобы подбодрить ее, он предложил выпить вина, но она решительно отказалась.

– Есения, вы совсем не пьете спиртное? – спросил он.

– Вы не знаете мою подругу Томку. С ней не пить невозможно. Мы в четверг с ней водки напились с горя.

Сенька поняла, что сказала лишнее. Макс сразу оживился:

– Водки с горя? А много?

– Чего много? Водки или горя? – уточнила девушка.

- Мне все интересно, я хотел бы знать о вашем горе. Что случилось?
- Да, дело житейское, – Отмахнулась Сенька, – меня бросил любимый человек.
- Почему?
- Он особо не объяснял. Наверное, надоела. Ему со мной скучно.
- Господи, Сенечка! Я знаю вас часа два, но, поверьте, никто никогда так меня не удивлял! Как с вами может быть скучно?!?
- Кстати, совсем забыл, – продолжал Макс.
- Он позвонил кому-то:
- Здравствуй, Владимир Иванович! Как жив? Да нет, все хорошо, ничего не случилось. Понимаешь, у меня в гостях девушка. Да, очень красивая. Спасибо. Не в этом дело. Она потерялась. Где нашел? В озере выловил. Не знает, где живет, в гости приехала. Привез к себе. Спасибо. Ее друзья будут волноваться. Ты не мог бы всем своим передать, если обратятся о пропаже, пусть адрес сообщат и успокоят, что с ней все в порядке. Утром я ее верну, если адрес узнаем. Фамилия? Не надо фамилии, имени хватит – Есения. Да, да. Будь здоров! Привет супруге! Звони.
- Макс закончил разговор.
- Слышала? Всем постам сообщат. Больше пока ничем помочь не могу.
- Спасибо, Макс. Мне так неловко за свою глупость. И за то, что вам мешаю. Но в груди мужчины уже бушевало благородство, многократно усиленное бутылкой выпитого вина.
- Ну что вы, Сенечка! Хотите, я покажу вам свою мастерскую?
- Сенька, конечно, хотела. Они поднялись наверх. На улице уже стемнело. Сенька поразила обилием окон.
- Здесь должно быть много света, – заметила девушка, – вы художник?
- Она увидела картины. Они были повсюду: на стенах, на мольбертах, просто стояли на полу, прислоненные к стене.
- Да. Я пишу картины. Но больше всего мне удаются портреты. Знаете, что главное в хорошем портрете? – спросил он.
- Наверное, талант художника? – предположила Сенька.
- Нет. Главное – хорошая натура.
- А какая натура хорошая для вас?
- Одухотворенная и, конечно, по-своему красивая, чтобы люди смотрели и насмотреться не могли. Чтобы в глазах доброта была и ум. Чтобы хотелось подойти и поцеловать.
- А одухотворенная – это какая? – Допытывалась Сенька.
- Подойдите к зеркалу, посмотрите внимательно на себя. И вы поймете.
- Вы хотите сказать, что я для вас хорошая натура?
- Есения, вы подарок судьбы для художника. Разрешите написать ваш портрет? Правда, работать придется без отдыха. Через месяц у меня выставка. И я очень хочу, чтобы ваш портрет попал в галерею.
- Сенька нахмурилась:
- Ни за что не буду позировать голая!!! Даже не уговаривайте!
- Макс с удивлением взирал на свою гостью.
- Почему голая? С чего вы решили, что я буду писать вас обнаженной?
- Сенька опять выглядела глупо. Густой румянец покрыл ее щеки.
- Ну не знаю. Я думала, все художники стремятся раздеть своих натурщиц.
- Макс старался не рассмеяться, чтобы еще больше не смутить девушку.
- Так вы согласны?
- А во что я буду одета? Я ведь в вашей рубашке.
- Придумаю что-нибудь. Так согласны?
- Она робко кивнула головой.

– Тогда завтра – за работу! А сейчас – отдыхать! – скомандовал хозяин дома.

Томка хватилась подружки, когда начало смеркаться. Ее роман с Вовчиком развивался бешеными темпами, так что думать о Сеньке не было никакой возможности. Но когда от сосен, окружавших дом, пролегли длиннющие тени, Томка ахнула:

– Где Сенька-то?!

Вся компания побежала снова на берег. Поиски девушки на надувном матрасе ни к чему не привели.

Томка билась в рыданиях:

– Она утонула! Она, наверное, утонула! – повторяла Тамара.

Наконец, один из парней, самый здравомыслящий, решил сообщить в полицию о пропаже девушки. Пункт блюстителей порядка был неподалеку. Когда испуганные ребята пришли к полицейским и зареванная Томка пыталась объяснить, что потерялась ее подруга, дежурный успокоил всех, сообщив, что Есения жива – здорова, но не помнит адреса, куда идти. Записав координаты Томкиной тетки, он пообещал, что утром ее доставят прямо к дому.

Чувство тревоги и беспокойства сменилось на противоположное: вся компания, громко хохоча, отправилась домой.

Есения долго не могла заснуть. Тревога не отпускала ее. Все-таки в доме у незнакомого мужчины, кто его знает... На первый взгляд он производил впечатление порядочного. Сенька вспоминала в подробностях их знакомство. Она опять ругала себя за глупое поведение. Такое могло случиться только с ней! Страшно подумать, что было бы, если бы ей не встретился Макс. Она представила своего спасителя. Интересный мужчина, интеллигентный. Художник.

Волосы у него длинные, до плеч, темно-русые, слегка вьются. Глаза карие. Когда он смотрит, то кажется, видит тебя насквозь. Даже мысли читает. Неуютно под его взглядом как-то.

Согласие на портрет Сенька дала сгоряча, не подумав, но отказываться уже не -удобно. Придется позировать. Очень ее волновал вопрос о платье, в котором Макс ее нарисует.

Максу тоже не спалось. Странная девушка, которую он вытащил из воды, взволновала его. Вначале незнакомка удивляла. Разглядев Есению, он поразился ее красоте. Узнав получше, заинтересовался ею, как человеком. Такого интереса он давно не испытывал к женщинам.

В свои сорок лет он знал многих охотниц за богатыми мужиками. Но, ни одна из них не тронула его душу. А эта девочка из озера заставляет его думать о себе, ухаживать, беспокоиться. И, главное, ему это очень нравится. Обычно, он впадал в ярость, если кто-то непрощенный вторгался в его уединение. А присутствие этой девушки ему приятно.

Он хочет написать ее портрет. Он уже видит его: освещенная лучами солнца на лугу с полевыми цветами в вполоборота стоит юная девушка с дивными васильковыми глазами. Черные, блестящие волосы, послушные легкому ветерку, спадают по спине до талии, закрывая спину. Простенький цветастый сарафан на бретельках подчеркивает красоту девушки, ее стройную фигуру, длинные ноги. Лицо девушки прекрасно, но красивее всего глаза. Ее взгляд направлен прямо на тебя и точно спрашивает:

– Как ты? Подожди, все будет хорошо. Поверь мне.

Хочется все смотреть и смотреть на девушку на холсте, словно ждешь от нее чего- то хорошего, солнечного, счастливого. А называться картина будет, конечно, «Есения».

Макс встряхнул головой, длинные волосы рассыпались по плечам.

– Наваждение какое-то. Еще не приступал к работе, а уже вижу готовый портрет.– Подумал художник.

В первых числах сентября у Максима Вайды запланирована персональная выставка картин. Для каждого художника это очень ответственный момент в творческой жизни, своеобразный отчет о своих достижениях в искусстве. Это уже не первая выставка Макса. Все преды-

душие прошли успешно. Многие картины были удачно проданы. Все выставки, и эту тоже, организовала подруга матери Макса Эльвина Валентиновна. Она имела мужа, который занимал высокую должность в администрации. Чтобы жена не скучала, муж купил ей очень недорого несуразное помещение из нескольких смежных, переходящих одна в другую, комнат, отремонтировав которые, Эльвина Валентиновна обрела великолепную галерею для проведения всевозможных выставок. Она с радостью устраивала выставки картин сына своей подруги, втайне мечтая выдать за него замуж свою непутевую дочь Лауру. Макс был с Лаурой обходителен и вежлив, но не более того. Да и дочь находила сорокалетнего художника старым, скучным домоседом, не умеющим радоваться жизни и развлекаться.

К этой выставке Макс и хотел успеть написать Есению.

Эльвина Валентиновна, хозяйка галереи, решила навестить свою школьную подругу Людмилу Вайда. С устройством выставок у нее было много хлопот, но с подругой они часто виделись, постоянно перезванивались, делясь друг с другом всеми своими тайнами и планами. Они дорожили дружбой и были уверены, что подруга не подведет, что бы ни случилось.

Жизнь у них сложилась по-разному.

Людмила Вайда была в школе середнячком, училась средне, ее семья имела средний достаток, внешность у нее была тоже ну так себе. Эльвина же была яркой, бойкой, из обеспеченной семьи. Дружба, возникшая между девочками, удивляла всех: и учителей и одноклассников. Но подруги не могли и дня прожить друг без друга. После окончания школы, Эльвина поступила в престижный ВУЗ. А Людмила родила сына. Кто был отцом ребенка, никто не знал, Людмила держала это в тайне. Наверное, знала Эльвина, потому что у них не было секретов. Но тайна Людмилы так и осталась тайной для всех. Родители, конечно, помогали дочке растить внука. Но образования Людмила так и не получила.

Когда Эльвина окончила институт, сыну подруги исполнилось пять лет.

Родители Людмилы рано умерли, оставив дочери квартиру, дачку в садоводческом товариществе и небольшую сумму денег на сберкнижке. Эльвина очень любила Максима, сына подруги. Навещая ее, Эля говорила:

– Мила, тебе надо работать. Как ты с ребенком будешь жить?

Мила это понимала, но куда устроиться без специальности? Еще подруг волновал вопрос о замужестве.

– Ну ладно я, – удивлялась Мила, – некрасивая, с ребенком, а ты- то почему одна? Яркая, богатая, с высшим образованием! Куда мужики смотрят?

И, действительно, у Эли не было кавалеров с серьезными намерениями. Так не везло девушке!

Она устроилась на хорошую работу в городскую мэрию. Там на нее обратил внимание один из многочисленных замов главы администрации. Это был невысокий, уже лысоватый мужчина за сорок. Но он так красиво ухаживал за Эльвиной, что она вскоре приняла его предложение и вышла за него. Их союз оказался счастливым: муж души не чаял в молодой жене, а она отвечала ему теплым чувством то ли любви, то ли благодарности.

Когда Эле исполнилось тридцать два года, она, наконец, забеременела и родила дочку Лауру. Супруги были счастливы! Позднего ребенка всячески баловали и нежили.

К двадцати пяти годам Лаура являла из себя настоящую светскую львицу. Модная, смелая, ни в чем не знающая отказа, она блистала на всех светских мероприятиях.

На пятидесятилетие Эльвины, муж подарил ей галерею, чтобы женушке было чем заняться.

Людмила окончила курсы и, по протекции мужа Эли, устроилась секретарем в мэрию, где и проработала все время, до пенсии.

Максим рано начал проявлять способности к рисованию. Окончил художественную школу, поступил в Суриковское училище. Подавая большие надежды, закончил его и начал трудиться на ниве искусства.

Он был, если не талантливым, то очень одаренным. Его картины поражали самобытностью, выделялись на фоне работ других художников. Но признание не приходило к Максиму, обрекая жить на небольшую зарплату матери. Так прошло около десяти лет. Всякое за эти годы пришлось пережить молодому художнику: отчаянье, разочарование, безысходность, безденежье. Но каждый раз его спасали искусство и любовь матери. Она верила в него. Посвятив сыну всю свою жизнь, она поддерживала его в тяжелые времена.

Все изменилось, когда Эльвина стала хозяйкой галереи. Она предложила организовать выставку картин Максиму Вайде, сыну своей лучшей подруги.

Хорошая реклама, грамотный «раскрут» и Макс проснулся если не знаменитым, то очень известным художником. На него посыпались выгодные заказы, его картины с успехом демонстрировались, многие были удачно проданы. Наконец, в дом пришла известность и благосостояние. К сорока годам Макс стал популярным художником и завидным женихом.

Он приобрел себе дом на берегу Лесного озера, купил матери хорошую квартиру, нанял домработницу и посвятил себя искусству.

Эльвина, приехав к подруге, сидя с ней по традиции на кухне, в сотый раз повторяла:

– Милочка, если бы моя Лаурка и твой Максик поженились! Ей двадцать пять, ему сорок – пора бы и семью создать. Представляешь, мы с тобой породнились бы. Внуки были бы общие!

– Да, – соглашалась Людмила, – но они нас не спросят. Как их заставить, что ли?

Наступило воскресенье. Утреннее солнце, заполнив мастерскую Макса, разбудило его, создавая радостно-приподнятое настроение. Как хотелось работать!

Он сбежал по лестнице вниз. Сенька еще спала.

– Проснись, красавица, проснись!

Открой, сомкнуты негой взоры,

Навстречу северной Авроры

Звездою Севера явись!

– декламировал Макс «Евгения Онегина», тормоша девушку и заваривая кофе.

Сенька, прекрасно выспавшаяся, была свежа, как утренняя роза, что не укрылось от цепкого взгляда художника.

– Скорее вставай и за работу!

Через несколько минут Сенька поднялась в мастерскую.

– А в каком платье вы меня нарисуете? – спросила она.

– Сенечка, давай перейдем на «ты»? Я не очень старый для этого? Снимай рубаху, возьми вот этот платок, обмотайся им. А я потом тебе шикарное платье подрисую, достойное твоей красоты, – объяснял Макс своей модели, устанавливая ее в нужную позу, поворачивая ее лицо руками и поправляя волосы.

Сенька стояла вся освещенная утренними лучами. Казалось, солнце наполняет всю ее теплом, счастьем и любовью. Ей было так хорошо, так спокойно!

Макс приступил к работе.

Сенька ни разу в жизни не позировавшая, плохо держала позу. Через полчаса она начала шевелиться, голова поворачивалась куда не надо. Макс терпеливо подходил к ней и теплыми, нежными руками возвращал ее в нужное положение. При этом он поглаживал ее по щеке, проводил пальцами по тонкой шее, по женственным обнаженным плечам, прикасался к ее коже, словно хотел ощутить ее шелковистость. Есения не могла не заметить этих нежных поглаживаний. Она смотрела на Макса и думала, что всего несколько дней прошло, как они расстались

с Леонидом. Ей казалось, что она так любит его! А встретив Макса, она совсем не вспоминала о своей несчастной любви. Она смотрела на Макса и думала, что мир не рухнул с уходом Леонида. Освободившись от своей привязанности к нему, она обрела свободу, познакомилась с этим интересным человеком.

Ощушая прикосновения его ласковых рук, Есения почувствовала возрастающее возбуждение.

Макс стремительно делал набросок на холсте. Он понимал, что творится с девушкой и старался поддерживать эту игру в желания.

Еще через полчаса, Сенька поняла, что сейчас грохнется в обморок. В глазах потемнело, в голове зашумело. Она почувствовала, что ее подхватили сильные руки Макса. Крепко обнимая девушку, отнес ее на диван.

– Извини меня, извини! Я совсем одурел от работы и не подумал, что тебе тяжело стоять без движения!

Он целовал ей руки, плечи, шею и, наконец, поцеловал в губы.

Сенька, еще плохо соображавшая, обняла его. Макс ответил на ее ласку бурей эмоций. Его одежда куда-то исчезла, а она и так была раздета...

Когда накал страстей поутих, к Сеньке начал возвращаться рассудок:

– Ну и пусть! Я свободная, современная женщина! Что хочу, то и делаю.

Макс чувствовал себя счастливым. Эта девушка снова приятно удивила его. Их секс был великолепен! Но работать больше не хотелось. Они вспомнили, что еще ничего не ели. Потом вспомнили про Томку и помчались в полицейский участок.

В машине Макс объяснял Сеньке.

– Тома живет в Правобережном. А я – в Озерном. Запоминай. К твоей Томке проще проехать вдоль озера через поселок Искорка. Как ты думаешь, каким идиотом надо быть, чтобы скопище деревянных домишек назвать Искоркой? Они смеялись и дурачились. Им было так хорошо вместе. Наконец, они подъехали к дому тетки. Томка и Сенька кинулись в объятия друг другу. Для разговоров времени не было. Забрав сумку с вещами, крикнув на бегу, что вернется через несколько дней, но будет звонить, Сенька села в машину Макса и они уехали.

– В Правобережном – хороший магазин. Заедем за продуктами, я не знаю, что ты любишь. Затаримся на недельку, – сказал Макс.

Они скупили полмагазина. Затем в Искорке купили свежих овощей, малины и поехали обратно.

Пока Макс работал над картиной, Сенька приготовила обед.

После еды, она снова позировала, обернувшись в парео.

Макс давал ей отдохнуть, то чаю попить, то полежать.

Он был доволен тем, как продвигалась работа. Через неделю портрет был, в основном, готов. Макс изобразил Есению в лучах утреннего солнца. Взгляд ее ясных, васильковых глаз был направлен прямо на смотрящего, в его душу. Девушка на портрете была очень молодой, но в ее теле пробуждались чувственные желания, ощущалась зарождающаяся страсть. Нежные прикосновения художника разбудили в ней женщину. Наверное, именно поэтому, на портрете Есения получилась очень сексуальной. Изгибы ее тела, красивая шея, сочные губы – все в ней говорило о желании любить и быть любимой. Каждый мужчина, смотревший на портрет, попадал под действие необыкновенных чар девушки, изображенной на картине.

В последних числах августа, Макс сказал Сеньке, что она может больше не позировать. Остальное он допишет без нее. Выставка открывается десятого сентября, так что портрет Есенин будет готов к этому времени.

Сеньке пора возвращаться в общежитие. Скоро начнутся занятия в институте. Последний год учебы. А что дальше? Жить негде, прописки нет. А нет прописки, нет работы. Знакомые девчонки повыскакивали без особого разбора замуж за местных ребят, прописались. А Сенька

два года проваландалась с Леонидом, зная, что ничего у них не получится. Любовь! Какая любовь? Что сейчас она имеет? Время упущено, Леонид ушел. Учиться осталось один год. А планов на будущее нет.

Такие мысли грызли Сеньку, когда Макс вез ее к общежитию. Они обменялись номерами телефонов. Макс сказал, что до открытия выставки будет очень занят, но потом обязательно позвонит. С тяжелым сердцем Сенька рассталась со своим художником.

На следующий день Томка была дома. Ей не терпелось узнать все о приключениях подружки. Она требовала подробного отчета о каждом дне, проведенном подружкой у Макса.

Узнав, что Сенькин спаситель известный художник, и у него скоро открывается персональная выставка картин, она, прикрыв глаза, стала мечтать:

– Ты познакомишь меня с Максом, он введет нас в свой круг, мы познакомимся с хорошими вариантами, они на нас женятся, мы будем вхожи в богемное общество. Представь: художники, поэты, музыканты...

– Томка, остынь! Неизвестно еще, позвонит ли он. Да и куда мы со своим техническим образованием в богемную среду? – Отрезвляла ее подружка.

– Нет, Сенька, такую возможность упускать нельзя. Из кожи вылезу, но буду вращаться в мире искусства!

Леонид жил с отцом. Мама умерла пять лет назад, когда ему исполнилось двадцать. И для сына, и для отца это было страшное потрясение. Но со временем жизнь взяла свое.

Отец Леонида в свои пятьдесят лет не потерял вкуса к прелестям жизни. Находясь в прекрасной физической форме, он не испытывал недостатка в женском внимании. Услышав волшебное слово «банкир» к нему слетались, как бабочки на свет, самые красивые девушки. Высокого роста, немного полноватый, с могучей шеей, переходящей в широкие плечи, он пользовался популярностью у слабого пола. Лицо у него было интеллигентным: на крупном носу с горбинкой сидели дорогие очки в золотой оправе. Жесткий взгляд голубых глаз говорил о крутом нраве и самоуверенности этого человека. Таков был отец Леонида – Петр Алексеевич Громов.

А вот Леонид вырос инфантильным, ленивым молодым человеком. Его ничего не интересовало, кроме вечеринок, выпивки и ночных тусовок с друзьями. Со скандалом Петр Алексеевич затолкал его в археологический институт. Кое-как Леонид его окончил, но ни в какие экспедиции, конечно, ездить не собирался. Два года он болтался на шее отца, чем приводил его в неописуемую ярость. Леонид отца боялся, но работать не хотел.

Совершенно случайно Петр Алексеевич узнал, что сын уже два года встречается с какой-то безродной студенткой, и устроил ему допрос с пристрастием:

– Никаких студенток! Еще раз услышу – выгоню из дома без всякого пособия! Толку от тебя все равно никакого, так что я решил: ты должен очаровать дочь одного очень нужного мне человека, жениться на ней. Быть примерным мужем, без всяких выкрутасов! Понял? В этом случае можешь рассчитывать на безбедное существование. Все понял?

Леонид помрачнел. Женитьба не входила в его планы, но с отцом не поспоришь.

– Папа, а она очень страшная? И сколько ей лет?

– Лет столько, сколько тебе. Фотографию я видел: нормальная. Хочешь красиво жить – полюбишь! – Отрезал отец.

Было решено, что они познакомятся на выставке художника Максима Вайды десятого сентября.

После открытия состоится фуршет для избранных, в число которых, конечно, входит Петр Алексеевич. Там будет хозяйка галереи – мать девушки, ее муж – нужный Громову человек и сама невеста.

Эльвина Валентиновна и Максим были заняты выставкой, которая должна скоро открыться. Картины разместились на стенах в трех залах галереи. Освещение выгодно подчеркивало краски холстов. Посередине залов располагались небольшие диваны. Это очень удобно: посетители могли любоваться живописью, устроившись на мягких канапе.

Макс выставил и свои старые работы, и новые, и, конечно, последнюю с названием «Есения». Он решил повесить портрет в третьем, последнем зале, напротив входа. Посетитель, войдя в помещение, сразу предстанет перед этой картиной, один на один. Глаза мужчин, рассматривавших ее, окажутся на одном уровне с глазами изображенной на портрете девушки, создавая иллюзию личного контакта.

Наконец, выставка открылась. Прибывали приглашенные. Здесь были и друзья по цеху, и высокое начальство, и представители других направлений в мире искусства.

Гостей встречала хозяйка галереи Эльвина Валентиновна и автор работ Максим Вайда. Посетители расхаживали от одной картины к другой, расхваливая талант художника. Кое-кто, правда, пытался критиковать, но таких не поддерживали. Все пришли с благодушным, праздничным настроением и критикой никто не хотел напрягаться.

Гости обходили, шумно переговариваясь один зал за другим, пока не попадали в третий, последний. Портрет Есенина вызывал у всех изумление. Разговоры стихали, смех прекращался. Все молча разглядывали картину. Мужчины особенно долго задерживались около нее. Наконец, насмотревшись, стали спрашивать Макса, с кого он написал портрет, кто эта девушка? Макс отшучивался, уходил от ответа.

Перед портретом застыли двое: банкир Громов и его сын Леонид.

Леонид не верил своим глазам – на картине была изображена его бывшая девушка! Они расстались месяц назад, а она уже позирует известному художнику! Самолюбие Леонида было задето. Он не сомневался, что бедная студентка льет слезы от несбывшейся мечты под названием «сын банкира», уходит в монастырь, режет себе вены.

Петр Алексеевич, как загипнотизированный, разглядывал девушку. Как она прекрасна! Неужели такие бывают на самом деле? Или это фантазия художника? Он решил выяснить, кого изобразил на картине Макс. И, если это реальная девушка, он познакомится с ней.

Леонид не стал говорить отцу, что это именно та студентка, с которой ему было приказано порвать.

Фуршет был накрыт в кабинете хозяйки. Все гости столпились вокруг стола с изысканными закусками.

К Максиму было не пробиться: каждый хотел лично выразить свое восхищение его картинами.

Петр Алексеевич выждал момент:

– Макс, мне безумно нравится твоё творчество, – начал он издали, – твои картины прекрасны. Но, скажи, как ты ищешь своих натурщиц? Например, вот ту, Есению?

Макс рассмеялся. Он давно был знаком с Громовым, ценил и уважал его. Он понимал, что здесь ему не удастся отвертеться от ответа.

– Да по-разному. Увижу подходящее лицо, подойду, предложу позировать.

– Наверное, отказываются?

– Всяко бывает. Многие отказываются.

– А Есению как нашел?

– В озере плавала, чуть не утонула. Я ее спас, а она в благодарность согласилась, чтобы я ее портрет написал.

– Скажи, она на самом деле так хороша, как на картине?

– Еще лучше.

– Послушай, Макс, познакомь меня с ней.

– Зачем?

– Познакомь, прошу. Не бойся, я ее не обижу.

– Хорошо, подумаю. – Ответил Макс.

– Ну вот, от Есенин сейчас не отстанут всякие богатые папики, – думал он, – а захочет ли она знакомиться с ними, вести такой образ жизни?

На душе у него было тяжело, он чувствовал необъяснимую вину перед Есенин.

На следующий день он позвонил. Сенька очень обрадовалась, услышав знакомый голос.

– Сенечка, дорогая! Как дела?

– У меня все хорошо. Учусь. Скажи, как твоя выставка?

– Вчера открылась. Умотался, если честно. Но все замечательно! Твой портрет произвел фурор! Меня одолели вопросами, кто та девушка на картине? Не верят, что ты реальная, а не моя фантазия. Хочу тебя пригласить в галерею. Когда ты сможешь придти?

– В субботу, часов в шесть. А можно я с Томкой приду? Она не простит мне, если я ее с собой не возьму!

Макс разрешил и назначил встречу.

Пошла вторая декада сентября. По календарю – осень, а по погоде – настоящее лето. Ночью, правда, чувствовалась прохлада, но днем солнечно и тепло.

Сенька долго продумывала наряд. И решила, что оденется скромно, но со вкусом. Она не хотела привлекать к себе внимание, ведь смотреть надо на картины.

К шести часам вечера подруги с бьющимися от волнения сердечками подъехали на такси к галерее.

Макс их встречал у входа. Он обнял Сеньку, поцеловал.

– Я так хочу уехать с тобой в домик у озера! – шепнул он Сеньке.

Девушки в сопровождении художника переходили от одной картины к другой, выражая свои эмоции. Наконец, они добрались до третьего, последнего зала и увидели портрет.

Буря чувств наполняла душу Есенин. Картина ей очень понравилась, она сама себе понравилась. Но ее природная скромность говорила:

– Не может быть, что я такая красивая. Наверное, Макс меня приукрасил!

Сенька смотрела на сарафан, в котором ее изобразил художник. Он обещал ей «шикарное платье, достойное ее красоты», а написал ее в простом сарафане из цветастого шелка, игриво облегающего стройные ноги. Чем дольше разглядывала Сенька картину, тем больше поражалась таланту Макса. Конечно, Есенин должна быть именно в таком сарафане, на таком лугу с такими цветами. И солнце, освещающее ее, должно быть именно таким, и роща вдалеке должна быть только березовая!

Томка, наконец, обрела дар речи:

– Ух ты! Сенька, это же ты!

Макс рассмеялся:

– Тонкое замечание.

Он то и дело поглядывал на часы, скоро должен подъехать Громов. Макс нервничал, он не хотел, чтобы Есенин ушла к банкиру. Девушка очень ему самому нравилась.

– Максим, дорогой! – услышал он за спиной густой бас Петра Алексеевича.

– Познакомь меня со своими прелестными спутницами?

Макс, обняв за плечи Сеньку, давая понять, что это его девушка, произнес:

– Знакомьтесь, это Громов Петр Алексеевич, а это Есенин и ее подруга Тамара.

– Что ты так официально? Можно просто Петр, – и банкир начал рассыпать комплименты Сеньке, стараясь заинтересовать ее своим положением в обществе.

Сенька, делая вид, что слушает банкира, думала о своем. Она вспоминала:

– У Леонида фамилия Громов, отчество Петрович. Это же отец Леонида! Только этого мне не хватало!

Она шепнула Томке, что надо уходить. Но подруга и слышать об этом не хотела. Здесь она заметила несколько «подходящих вариантов». И пока она их всех не прощупает, отсюда не уйдет!

Внимание Томки привлекла компания молодых людей, всем своим видом выражающих причастность к миру искусства. Томка, как бульдозер, шла на них с целью знакомства.

Сенька осталась одна с Петром Алексеевичем. Она была смущена чрезмерным вниманием, находясь рядом со своим портретом. Банкир, поняв это, предложил ей пройтись, поискать Макса.

Сенька с радостью согласилась. Макс беседовал с приятной невысокой дамой.

– Эльвина, дорогая! – воскликнул Громов, целуя ручки приятной дамы, – как я рад видеть вас! Вы, как всегда, ослепительны!

Надо сказать, женщина, действительно, была очень симпатичной, несмотря на свой возраст. Особенно бросалось в глаза, что она не пыталась молодиться, чтобы скрыть его. Многие дамочки за пятьдесят начинают вдруг подражать своим дочкам, а в худшем случае – внукам. Выглядит это жалко и смешно. Даже, если ноги позволяют носить мини- юбку, то лицо уже требует почтительного к себе отношения. Но Эльвина спокойно относилась к возрастной теме и, поэтому выглядела интересно и достойно. В

данном случае комплименты Громова звучали искренне и не фальшиво.

– Здравствуйте, Петр Алексеевич! – ответила она банкиру. В ее глазах светилась радость от встречи, – как поживает ваш Леонид? Лаура только о нем и говорит!

– Все хорошо. Леониду тоже нравится ваша дочь. Я думаю, из них получилась бы прекрасная пара!

– Я тоже так думаю. Но давайте не будем торопить события. Пусть наши дети сами решают. Петр Алексеевич, что же вы не знакомите меня с вашей очаровательной спутницей? Мне кажется, мы с вами встречались? – обратилась она с вопросом к Есении.

Сенька была потрясена услышанным разговором.

– Значит, Леонид женится на ее дочке, какой- то Лауре? Вот почему он бросил меня! Нашел себе, или папа ему нашел, подходящую пару.... Ну и ладно! Любовь прошла, пусть женится хоть на ком! – думала Сенька и обида снова поднималась из глубины ее души.

Она вспомнила тот последний разговор с Леонидом. Они встретились, как всегда, после занятий в кафе, неподалеку от общежития. Сенька была счастлива, она любила и была любимой. Мир вокруг был полон красок, музыки, цветов, ароматов и всего, что делает нашу жизнь прекрасной. Леонид сразу приступил к делу.

– Сенька, нам надо расстаться! Мы никогда не будем вместе, ты же понимаешь! Мы не пара. Я из богатой семьи, а ты.... Ну и образование у тебя того..., технари нам в семье не нужны. Впрочем, прощай, не звони мне.

Примерно так они расстались. Гнев, боль и обида захлестнули девушку. Ее любимый даже не захотел найти для нее добрых слов утешения. Из печальных воспоминаний ее возвратили слова банкира:

– Знакомьтесь, Эльвина Валентиновна, это Есения. Да, да, та самая девушка с портрета. Хозяйка галереи с интересом разглядывала Сеньку.

– Макс, где ты такую красоту нашел? – спросила она художника.

Максим хитро улыбнулся.

– Пусть сама расскажет, а то не поверите.

– Я неудачно заплыла далеко от берега, а Макс меня спас. Не знаю, что со мной было бы, если не он.

– И в благодарность вы ему позволили себя нарисовать? – не унималась Эльвина Валентиновна.

– Да, я не смогла ему отказать, – простодушно ответила Сенька.

Все засмеялись наивной искренности девушки.

– Понимаю тебя. Макс у отказать очень трудно, – с намеком совсем на другое произнесла Эльвина.

Сенька совсем смутилась. Она обратилась к Макс:

– Мне пора. Ты не мог бы меня отвести домой?

– Сенечка, дорогая, мне никак отсюда не вырваться, сейчас из мэрии приедут.

– Есения, позвольте, я вас отвезу? – предложил Громов.

Сенька, конечно, согласилась, лишь бы уехать отсюда побыстрее. Она не то, что с отцом Леонида согласна ехать, с чертом лысым уехала бы, не побоялась.

Томка увлеченно беседовала с худым длинноволосым парнем в неопрятной толстовке. Проходя мимо, Сенька шепнула ей, что уезжает домой, но Томка ответила, что Денис ее проводит. Глаза у Томки радостно сверкали, что говорило о влюбленности и новых надеждах. Сенька порадовалась за подругу.

Петр Алексеевич привел девушку к своему черному «Лексису». За рулем сидел водитель. Они сели на заднее сидение.

Громов боялся что-то не то сказать, спугнуть Есению. Он поймал себя на мысли, что волнуется рядом с этой молоденькой девушкой. Наконец, он спросил:

– Есения, скажите, а откуда у вас такое имя?

– Как откуда? Родители так назвали. Вернее, папа. Он обожает стихи Есенина и сказал, если родится мальчик, будет Сергей, а девочка – будет Есения. Вот так все просто.

– А вы любите Есенина?

– Люблю, конечно. Но я, знаете ли, не поэтического склада. Мне ближе точные науки. И заканчиваю я политех. Я на пятом курсе, осталась последняя сессия, госы и диплом.

– А что потом, когда закончите институт? Ваша семья здесь живет, в Питере?

– Нет, моя семья живет на периферии. Я – в общежитии. Прописки у меня нет, если это вас интересует!

– Извините, если мой вопрос показался вам бестактным.

– Извиняю. Но он таким и был, Петр Алексеевич, – добавила Сенька, снова вспомнив Леонида. Она не стала говорить Громову, что два года любила его сына. А он ее бросил. Жесткими словами о ее бедности, безродности и отсутствием Питерской прописки объясняя свой поступок.

На глаза Сеньки навернулись слезы. Громов схватил ее за руки, повторяя:

– Есения, дорогая, простите меня! Я совсем очерствел на своей работе! Как я мог так обидеть вас? Простите, простите меня. Это действительно возмутительно обидные слова!

Сенька была удивлена его реакцией. Причиной слез был вовсе не его вопрос, а воспоминание о бывшем любимом. Это позабавило ее. Она чуть улыбнулась. Банкир воспринял это по-своему, что его простили.

– Есения, я буду уверен, что прощен только в том случае, если вы согласитесь поужинать со мной в ресторане. Если вы откажетесь, я застрелюсь, утоплюсь, сброшусь с крыши.

Есения рассмеялась. Этот человек все больше нравился ей.

– Петр Алексеевич, я ведь студентка, у меня ни времени, ни денег нет по ресторанам ходить.

– А сегодня у вас вечер свободен? Еще совсем детское время, поедemте. А насчет денег не волнуйтесь, мы скромненько: по салатику. Расплатиться я смогу.

Сенька вспомнила, что подруги дома нет. Ей не хотелось сидеть в одиночестве. И она согласилась.

Они приехали новомодный дорогой ресторан. Вначале она оробела, но взяла себя в руки и уверенно прошествовала между столиками под руку со своим спутником.

Официанты были сверх любезны, еда необыкновенно вкусная, музыка ненавязчивая, вино вкусное, разговор интересный.

Громов пригласил Сеньку на медленный танец.

Что за прелесть эти танцы! Если вас пригласили на танго, или что-то вроде того, это значит, что вас будет обнимать, ощупывать, прижимать к себе пригласивший мужчина. Причем делать он это будет на законном основании – медленный танец же!

Но Петр Алексеевич вел себя достойно, хоть в его организме бушевало пламя невиданной страсти, бешеного желания и внезапной любви.

Вечер закончился. Пора возвращаться домой. В машине банкир, тесно прижавшись к девушке, сексуально-хриплым голосом предложил:

– Есения, давайте перейдем на ты. Пожалуйста, зови меня Петр.

Сенька довольно много выпила, поэтому была смелой и отважной:

– А, давай, Петр! Ты мне так нравишься! С тобой здорово! Весело!

Язык у нее заплетался. Но впереди был самый сложный момент – прощание. Как бы не занесло, куда не надо! Машина остановилась у Сенькиного общежития. Повисло напряженное молчание

– Есения, а, может быть, ты поедешь со мной? – закинул удочку Петр.

– Не... Не поеду. Я тебя ва-а-ще не знаю. С незнакомыми мужчинами я никуда не езжу. Фраза «с незнакомыми мужчинами» далась ей с особым трудом, раза с пятого.

– Пока! До свидания, Петр!

Сенька пыталась открыть дверцу в машине, дергая совсем не за те рычажки.

Петр вышел из автомобиля, открыл дверь, помог Сеньке выйти. Обнял ее и легко, мимо-летно поцеловал в губы. Потом отступил в сторону, давая девушке пройти.

– Есения, я тебе позвоню.

– Бай – бай! Звони!

Петр был счастлив! Он не только познакомился с Есенией, он с ней очень хорошо познакомился. Даже в ресторан затащил. И поцеловал!

Ему без труда удалось вызнать телефон у пьяненькой девушки. Он позвонит ей и уговорит куда –нибудь поехать. А потом... Его мечты соответствовали его чувствам, желание любви заполняло грудь, сердце радостно билось, готовое к счастливым приключениям.

Максу не давала покоя мысль, что Сенька уехала с банкиром. Его грызла совесть, что он сам свел ее с этим опасным человеком, с этим женским угодником, с этим бабником. Он долго награждал подобными эпитетами Петра Алексеевича, пока не признался себе, что сам во всем виноват. Соблазнив девочку, проведя с ней упоительную неделю страсти и секса, он, можно сказать, забыл о ней. Что должна чувствовать Сенька? Сидеть и ждать: позвонит – не позвонит? Тем более, он ей ничего не обещал. Он свободен от своих обещаний, а она? Она тоже свободна! Вот банкир ей и подвернулся.

Но Макс не находил себе места. Наконец, далеко за полночь, он решил ей позвонить, не сомневаясь, что она не одна, а с Петром.

– Алло? Макс? Ты что так поздно? – услышал он сонный голос.

– Сенька, ты дома? Одна?

– Угу. Томка еще не пришла.

Камень свалился с души Максима. Она дома! она одна!!

– Я соскучился.

– Я тоже.

– Сенечка, я позвоню, когда будет возможность, ладно?

– А, звони. Все звоните. И ты, и Петр, и все.... Пока! – Она нажала на отбой.

Томка заявила ближе к обеду. Сенька только проснулась.

– Какая я счастливая! – на распев произнесла гулена, – Сенька, я влюбилась!

– В кого?

– В Дениса! В кого же еще?

– А Вовчик?

– Какой Вовчик? – удивилась Томка, – знаешь, подруга, ты умеешь испортить настроение! Вовчик – пройденный этап, забудь! А вот Денис...

– И чем твой Денис занимается?

– Он – ПОЭТ.

Томка рассчитывала, что подруга немедленно кинется к ней с поздравлениями.

– Томочка, я не собираюсь портить тебе настроение. Поэт-то он поэт, а деньги твой поэт зарабатывает? А живет где?

– Сенька, Денис – совсем другое дело! Это не наши мальчишки с кафедры. Он – настоящий поэт! Правда, сейчас у него кризис жанра, но это временно. Скоро он будет печататься, и я ему помогу! Я буду его музой! А живет он, представляешь, в трехкомнатной квартире!! Я в ней была, точно трехкомнатная! Сенька, я замуж за него выйду, он меня пропишет. Родим детей, будем жить, как боги! – Мечтала Томка.

Есения с грустью смотрела на подругу. Томка раскинула крылья, размечталась. И, скорее всего, скоро опять разочаруется, будет плакать.

Пропев дифирамбы Денису, она, наконец, спросила:

– У тебя- то как?

– С кем?

– С Максом. Или еще кто- то был?

– Макса не было. Был Петр Алексеевич Громов, банкир.

– Подожди, подожди, – прервала ее Томка, – какой банкир Громов? Это что – ли Леонида папаша?!!

– Да, отец Леонида. Мне кажется, он в меня влюбился.

Томка ошарашено молчала. Мысль, пришедшая ей, заставила вскочить с дивана и побегать по комнате.

– Слушай! Это здорово! Если он захочет на тебе жениться, соглашайся. Представь, ты всю жизнь будешь мстить своему паразиту навозному, Ленечке своему! А, если не женится, так живи с ним, вся будешь в шоколаде и сыночку жизнь испортишь! – строила далеко идущие планы Томка.

Сенька невесело усмехнулась:

– Томочка, я хочу выйти замуж для того, чтобы счастливой быть, а не для мести. Знаешь, Петр очень интересный мужчина и, по-моему, хороший человек. Как у него такой сыночек получился? Кстати, он женится.

– Громов знает о вас с Леонидом?

– Нет, я не сказала. Но, если мы еще будем встречаться, если он не потеряет ко мне интерес, обязательно скажу. Тайну из этого делать не буду.

– Так ты с ним собираешься развивать отношения? – не унималась подруга.

– Не знаю. Может быть. Вдруг я его полюблю?

– А Макс?

– Что Макс? Где Макс? – Нет Макса! Это все не серьезно. Эти художники – поэты живут в своем мире, не в нашем. Смотри, как бы твой Денис тебя не разочаровал.

Воскресный день был в самом разгаре. Погода баловала питерцев теплом. В ожидании скорой нудно-дождливой осени горожане стремились за город, насладиться последними солнечными деньками.

Томка завалилась спать, сейчас будет дрыхнуть до понедельника. Сенька думала, чем бы заняться? Звонок телефона отвлек ее от раздумий.

Звонил Петр.

– Есения, здравствуй, солнце мое! Как дела?

– Добрый день, Петр. Все хорошо, спасибо.

– Тома нашлась?

– Нашлась.

– Чем занимаешься?

Сеньке не хотелось признаваться, что она страдает от безделья и она стала плести, что готовилась к семинару, но уже все выучила и сейчас свободна.

Петр обрадовался:

– Есения, может, прокатимся куда-нибудь за город? Погуляем? В Пушкин, например, или в Петергоф? Фонтаны еще не отключили. Там так красиво!

Сенька, конечно, согласилась.

Они долго гуляли по парку, по его дорожкам, заходили во все павильоны.

Петр то нежно обнимал девушку за талию, то прижимал ее локоть к себе, что бы она чувствовала его тело. Он осыпал ее комплиментами, называл ласковыми словами.

Когда они увидели укромную скамейку и сели на нее, дело дошло до страстных поцелуев. Петр признавался ей в любви, говорил, что не испытывал ничего подобного в своей жизни. Рассказывал о жене, которую потерял пять лет назад. Говорил, что жили они хорошо, любили и уважали друг друга. Говорил, что положение, которое он сейчас занимает, он достиг благодаря ей. Что эта утрата стала страшным ударом для него. Но, только встретив Есению, он понял истинную силу любви.

Есении было приятно слушать такие слова от зрелого, опытного, знающего жизнь мужчины. Петр ей нравился, хотелось ближе узнать его. А ему-то как этого хотелось! В силу понятных причин, он давно забыл, как ухаживать за женщинами. Ему этого просто не надо было делать. Женщины, знакомые ему, с готовностью шли на контакт, не теряя времени на ухаживания. Но с Есенией ему не хотелось торопить события. Сладостное и одновременно мучительное чувство охватило его.

– Петр, мне надо сказать тебе что-то важное, – Есения выбралась из его объятий.

– У нас будет ребенок? – дурачился он.

– Дело в том, что я и твой сын Леонид очень хорошо знакомы.

– И что?

– И были любовниками.

– Когда?

– Два года. Расстались, вернее, он меня бросил, месяц назад. Я его очень любила. Но его последние слова перед тем, как он ушел, убили и мою любовь и часть меня. Макс Вайда действительно спас меня тогда и в прямом, и в переносном смысле. Он показал мне, что жизнь прекрасна, искусство окрыляет, а отношения между мужчиной и женщиной многогранны. Я жила у него целую неделю. Мы спали вместе, но я его не любила.

Есения замолчала. Она не решалась посмотреть на Петра. Как он отреагирует на ее признание?

Петр долго молчал. Потом спросил:

– Зачем ты мне рассказала об этом?

– Я думаю, будет лучше, если ты все узнаешь от меня. Тебе все равно донесут. Пока мы не зашли далеко, подумай, нужна ли я тебе?

– Тогда я тоже тебе в кое в чем признаюсь: это я велел сыну бросить бедную студентку. И он меня послушал. Какой же у меня вырос сын идиот! Я бы на его месте бросил отца, все бросил бы, лишь бы быть с тобой! А он согласился.

– Скажи, а на какой Лауре ты его женишь?

– Откуда тебе это известно?

– Я слышала ваш разговор с Эльвиной.

– Лаура – ее дочь. Этот брак очень нужен мне.

– А Леониду?

– Ему все равно. Лишь бы не менять образ жизни: вино, деньги, гулянки. Я ему обещал, что все это у него будет, если он женится и будет достойным мужем.

– А если он ее не полюбит?

– Есения, дорогая моя! Ну что ты себе и мне сердце рвешь? Это его проблемы. Он взрослый человек. А я нашел тебя. И хочу, чтобы ты меня полюбила. Скажи, у меня есть хоть малейший шанс на это?

– Подожди Петр. Дай мне разобраться в себе. Все так закрутилось!

В понедельник ей позвонил Леонид и попросил встретиться. Он сказал:

– Где обычно.

Есения пришла в их кафе, он уже ждал.

– Что тебе нужно? – Спросила девушка.

– Мне нужно? Это тебе что-то нужно от моего отца! Со мной номер не прошел, так ты на папашу перекинулась?

– Ты, говорят, женишься? – Не поддалась Сенька на провокацию.

– Отец заставляет! Я не хочу, но придется. А что у меня есть варианты?

– Леня, выбор есть всегда. Не хочешь – не женись.

– Как это? Отец лишит меня средств. Как я жить буду?

– Ты же взрослый человек. У тебя есть специальность. Иди, работай. Встретишь девушку, которую полюбишь, женись и будете жить, как все живут.

– Это за нищенскую зарплату вкалывать?! Ты что, дура? Вы с папашей будете красиво жить, а я в дерьме прозябать!?

– Леня, деньги-то его, он их заработал, не ты.

– Ах, вот как ты заговорила! Вишь, осмелела! Нищенка! Техничка! Я все расскажу отцу! Скажу, что трахал тебя два года! Пусть знает, что мои объедки подобрал! – Леонид зашелся злостью.

Есения спокойно смотрела на потерявшего достоинство человека и думала, как она могла его любить? Как не видела, не замечала его гнусной натуры?

– Вот что я тебе скажу на прощание: твой отец меня любит, мне тоже он нравится. Если он предложит, я выйду за него. Рожу ему ребенка, лучше двух, и будем мы жить долго и счастливо. У твоего отца будет новая семья, наследники. А про тебя он забудет, потому что ты – дрянь. Я все сделаю, чтобы тебя в его жизни не было, а про наши отношения он знает. Ты опоздал.

И Есения встала и пошла к выходу, притягивая к себе восхищенные взгляды мужчин. Леонид остался со своей ненавистью, обидой и злобой, один за столом, так же, как оставил здесь свою девушку месяц назад.

На следующий день Сеньке позвонил взволнованный Громов. Ему доложили, что видели в кафе Леонида и Есению вместе.

– Зачем вы встречались, солнце мое? Он тебя обидел? – допытывался Петр.

– Леонид хотел поговорить. Но разговора у нас не получилось. Мы расстались недовольные друг другом, – объяснила Сенька.

– Он наезжал на тебя, потому что ты сейчас со мной?

– А я с тобой, Петр?

– Душа моя, больше всего на свете я хочу этого.

Они договорились встретиться в субботу.

Томка обхаживала своего поэта. И, видимо, ей это удавалось, поскольку домой она не приходила. Подруги виделись только в институте на занятиях. Томка была счастливая, глаза сияли:

– Он скоро сделает мне предложение! – заявила она.

Сенька не верила ей, но разубеждать подругу не стала.

В субботу днем за ней заехал Громов и повез ее за город на конский двор. Петр был неплохим наездником, в седле смотрелся великолепно. Ему, большому, крупному человеку, подобрали под стать и жеребца. Сенька любовалась обоими, но подойти боялась. Петр все же уговорил ее сесть на небольшую смирную кобылку. Держа лошадь под уздцы, он прокатил Сеньку целых два круга! Девушка была в восторге! Едва оказавшись на земле, она кинулась Петру на шею. Обнимая и целуя его, она говорила:

– Дорогой мой, хороший мой, я всегда мечтала покататься на лошади! Ты исполнил мою мечту!

Петр цвел от радости. Ему хотелось сделать Сеньку счастливой, видеть радость в ее глазах, слышать ее смех.

Наступил октябрь. Иногда звонил Макс, говорил, что скучает по ней, отговаривался своей занятостью:

– Сенечка, скоро моя выставка закончится, разберу картины и сразу к тебе! Поедем в наш домик к озеру!

Сенька молчала, ей уже не хотелось никуда ехать с Максом. Понемногу, но уверенно ее сердце занимал другой человек. Она ждала его, скучала, думала о нем.

Петр сообщил ей, что свадьба Леонида и Лауры состоится первого ноября. Почти все приготовления к этому торжеству ложатся на него. Отец невесты, в силу своего возраста, помочь не может. Петр предложил Сеньке присутствовать на свадьбе рядом с ним.

Сенька, конечно, отказалась.

– Петр, в качестве кого я буду сидеть рядом с отцом жениха? Представь, какая реакция на это будет у Леонида! Мы испортим им весь праздник. Не обижайся, я не приду.

Петр, понимая пикантность ситуации, не настаивал.

В середине октября, наконец, заявила Томка. Танцуя по комнате, сшибая мелкую мебель, она трясла своим паспортом.

У Сеньки перехватило дыхание:

– Вы поженились?!?

– Да! Да! Да! – орала Томка, будто на стадионе.

Сенька выхватила у нее паспорт. Действительно, на нужной странице стоял штамп о замужестве. Сенька смотрела на счастливую подругу не в силах вымолвить ни слова.

Наконец, устав изображать смесь испанского танца с танцем племени Мумба – Юмба, Томка плюхнулась на диван.

– Расскажи. Почему я ничего не знаю? – Спросила Сенька.

– Ну, понимаешь, мы решили скромненько, без всяких застолий, ресторанов. Просто у Дениски сейчас денег нет. А свадьбу мы потом сделаем, попозже. Ты не обижайся. Я же говорила тебе, что мы поженимся! В понедельник сдаем документы на прописку!!! Мой Денис такой хороший! Он не хочет, чтобы я бросила учебу.

Сенька была в шоке:

– Ты хочешь на пятом курсе бросить институт?

– Ну да. За Дениской же ухаживать надо. А я весь день на лекциях. Вот я и предложила ему, что брошу. Но он не разрешил.

– Томка, ты всегда была девушкой странной, но душой ты не была! У тебя что, мозги от любви ссохлись? Только попробуй бросить институт! – ругала ее подруга.

Через неделю муж, действительно, прописал Томку у себя. Есения решила, что была несправедлива к Денису. Одно смущало: он не зарабатывал денег. Совсем. Жили молодые на Томкину стипендию и на те крохи, что присылали ей родители. Но Тамару это не смущало. Она свято верила, что скоро ее поэт разродится прекрасной поэмой и станет знаменитым и богатым назло завистникам.

Макс возился с картинами, их надо перевести обратно. Несколько работ у него купили. Сенькин портрет тоже был продан неизвестному ценителю прекрасного. У Макса был порыв – подарить картину Сеньке, но, узнав сколько за нее предложил неизвестный, порыв быстро прошел, а «Есения» отбыла к новому хозяину.

Встречи с Петром стали реже: он очень уставал. Работа и подготовка к свадьбе занимали все его время.

Остается все меньше времени, надо что-то решать, определяться. Вон, Томка, и замуж вышла, и прописалась. После окончания учебы, найдет работу. А у Сеньки ничего не получается. Хочется остаться в Питере, ее любимом городе. Для этого нужно жилье, прописка и работа. А у нее нет ни одного, ни второго, ни третьего. Наверное, можно выйти за Петра. Но не хочется торопиться, ведь они так мало знакомы. Леонид очень осложняет ситуацию.

В субботу они договорились встретиться с Петром. Громов выглядел уставшим и постаревшим. После ужина в ресторане, он пригласил Сеньку к себе домой. Она еще ни разу не была у него в квартире. Сенька понимала, что их отношения могут перейти на другой уровень, но решила согласиться.

– Сколько можно по ресторанам ходить? – подбадривала она себя.

Квартира Громовых располагалась в старом доме сталинской постройки. Здесь все говорило о солидности и благородстве: мощные стены, высоченные потолки, кованые перила в парадном. Соединив две трехкомнатные квартиры, убрав лишние перегородки,

Громов получил огромную пятикомнатную квартиру, очень красивую и удобную.

Пригласив Есению в гости, он приготовил ей сюрприз, даже два, и с нетерпением влюбленного мужчины, вез ее к себе домой.

Сенька переступила порог. Сердце громко стучало от волнения. Петр помог снять плащ и повел ее в большой зал. Первое, что увидела девушка, на стене, слева от двери, органично вписавшийся в интерьер, ее портрет. Она застыла в изумлении:

– Так это ты его купил?

Петр тихо подошел сзади, обнял. В одной руке он держал красивую бархатную коробочку синего цвета. Протягивая ее Сеньке, он сказал:

– Солнце мое, это тебе.

У нее от волнения закружилась голова. Вот он, решительный момент! Сейчас она должна принять решение.

– Ну, открой же! – подбадривал ее Петр.

Есения взяла коробочку и осторожно открыла крышечку. На белоснежном атласе лежали изумительной красоты серьги. Синие сапфиры, обрамленные некрупными бриллиантами. Все это сверкало и переливалось под светом хрустальной люстры. Но Сенька смотрела на подарок невидящим взглядом. В коробочке должно быть кольцо! Кольца не было. Разочарование охватило девушку, но, взяв себя в руки, она произнесла:

– Очень красивые серьги. Но я не могу их взять.

Заметив недовольный взгляд Петра, быстро добавила:

– Ты забыл, где я живу? Как я могу принести в общежитие такую дорогую вещь?

– И что делать?

– Оставь у себя, пожалуйста. Там видно будет.

Она положила подарок на тумбу с красивым зеркалом.

Они стояли и смотрели друг на друга. Его руки потянулись к ней, он ласково обнял ее за талию, провел ладонями по спине, прижал к себе. Нашептывая слова любви, он целовал ее, она отвечала на его поцелуи. Страсть разгоралась в них, желание стало невыносимым. Он подхватил ее на руки и понес в спальню. Там, на широкой кровати, скинув с себя одежды, они предались любви.

Сенька только в этот вечер поняла, как бывает, когда мужчина любит. Двое ее предыдущих любовников не любили. Леонид любил только себя, Сеньке же он позволял любить, а Макс восхищался ее красотой, как художник, но любви тоже не было. А вот Петр безумно влюблен. Он подарил ей незнакомые ранее ощущения, поднял ее чувственность до небывалых высот. Только сейчас Сенька осознала, что любима. Вся в пережитых эмоциях, она хотела поговорить с Петром, сказать, как она ему благодарна за любовь, сказать, что никогда не испытывала такого счастья. Повернувшись к мужчине, она не поверила своим глазам – он спал!

Откинув свое тяжелое тело, любовник заснул мгновенно, похоже, не долетев до подушки. Одной рукой он обнимал Есению. Его рука была такая тяжеленная, что девушка с трудом выбралась из – под нее. Удивленно глядя на спящего, она оправдывала его тем, что он устал, замотался с этой свадьбой. Но сегодня такой важный день! Они были близки в первый раз. Такого от него она не ожидала. Ей было очень обидно. Полежав, она решила принять душ.

Ванная комната больше походила на кабину управления космическим кораблем. Чтобы помыться, ей пришлось напрягать все свои технические способности.

В халате Петра она вернулась в спальню. Петр спал. Она собрала свою одежду, оделась, вышла из квартиры и, тихонько захлопнув дверь, поехала домой.

Он позвонил на следующий день, в воскресенье:

– Радость моя, почему ты ушла вчера?

– Я не знала, чем мне заняться. Ты спал. – Деликатно объяснила она.

– Ты могла бы остаться. Давай, поедим где-нибудь? Я страшно хочу есть.

Сенька согласилась.

Он ждал ее у машины. Увидев девушку, Петр спросил:

– Почему ты не надела серьги, которые я тебе подарил?

Сенька удивленно ответила:

– Мы с тобой договорились, что я оставлю серьги у тебя. Я не забирала их.

– Странно, на тумбочке сегодня коробки не было.

– Ты просто не заметил, внимания не обратил, – успокоила его Сенька.

Вечер прошел как всегда прекрасно. Петр был остроумен, внимателен, осыпал спутницу комплиментами, шептал ласковые слова.

Проводив Сеньку, он подъехал к своему дому. Леонид был дома – в окнах горел свет. Мысль о серьгах не давала покоя. Есению он доверял полностью, как себе. А вот Леониду...

Зайдя в квартиру, Петр еще раз посмотрел, нет ли коробочки в комнате. Не было.

– Леонид! – позвал он сына.

– Что, папа?

– Сегодня утром вот здесь, – отец указал на тумбу, – находилась коробочка с дорогой вещью.

Кроме тебя в доме никого не было. Где она?

– Я не видел. Наверное, ее взяла та, кому ты это купил!

– Есения ничего не брала!

– Так ты больше веришь мне, своему сыну, или этой безродной потаскушке?

– Я тебе вообще не верю. И для этого у меня есть все основания. Ты постоянно таскаешь у меня деньги. И, если я не устраиваю тебе скандалы, это не значит, что я ничего не замечаю. Теперь про безродность: ты кто такой, чтобы судить о людях, родные они или безродные? Ты сам- то каких предков имеешь? Мои родители были простыми рабочими на заводе,

имели образование восемь классов плюс рабфак. Родители твоей матери были простыми деревенскими крестьянами. Если ты кичишься моим положением, так запомни: я добился всего сам, еще с помощью жены, царство ей небесное! А ты чего добился в жизни? А вот как раз у Есенина отец – врач и дед был врачом. Мама – педагог в третьем поколении. Так что скорее безродный – ты, а не она. Куда делась коробка?!

– Не видел я твоей коробки! – настаивал Леонид. – У меня свадьба скоро, а ты не моей невесте подарки даришь, а своей любовнице к глазкам серьги подбираешь!

– Вот ты и спалился. Где серьги?! Последний раз спрашиваю!

– Да на, возьми! – Леонид достал из кармана пальто пропавшую коробочку.

– Скоро ты женишься. Квартиру мы вам дарим на свадьбу. В ней будешь жить, а в моем доме, чтобы не появлялся. Не хочу здесь тебя видеть!

Вернувшись домой, в общежитие, Есения задумалась. Петр сказал ей, что она могла бы остаться. То есть, она могла бы жить в его доме? В качестве кого? Любовницы? Он подарил ей серьги, но она ждала, что он подарит кольцо, как символ их будущей супружеской жизни. Получается, жениться на ней Петр не собирается. Слезы разочарования текли по щекам. Она позвонила Томке:

– Мне так без тебя плохо!

– Сенька, что стряслось? Ты что так поздно звонишь? Дениска спит.

– Извини, Томочка. Но Петр... – и она со слезами рассказала обо всем подруге.

– Сенька, не плачь. Думаю, банкир – не твой вариант. Будем искать запасной аэродром, – решительно закончила разговор Томка.

Время шло своим чередом: днем лекции, вечером занятия, домашние дела.

С Петром до свадьбы Леонида встреч не получилось.

Сенька приуныла. Скоро она выходит на диплом. И что дальше? Родители обещали помочь ей купить квартиру – заплатить первоначальный взнос. А, Сенька, устроившись на работу, в течение трех лет выплатит остальное. Потом, когда дом сдадут, она сможет прописаться. Но как ей найти работу, если сейчас питерской прописки нет? Она не видела выхода. На улице лил дождь, листва на деревьях почернела и отвалилась, похолодало. В душе у Сеньки было примерно то же.

Наступил ноябрь. Днем держалась плюсовая температура, а ночью подмораживало. Природа и люди готовились к зиме.

Свадьба отпела и отплясала. Петр, наконец, вздохнул. Леонид с женой переехали в подаренную трехкомнатную квартиру.

Отдохнув и выпавшись, Громов позвонил Сеньке:

– Дорогая моя, этот кошмар закончился! Давай, отметим это событие?

– Какое событие ты хочешь отметить? – уточнила она, – то, что Леонид женился, или то, что свадьба закончилась?

Петр ответил, что ему все равно, что праздновать, суть вещей это не меняет.

Он заехал за Сенькой, как всегда, в восемь вечера и ждал ее в машине. Увидев девушку, идущую к нему по дорожке, он залюбовался ее летящей походкой, красивой фигурой. Они не встречались целых две недели! Как ему не хватало ее все это время! Выйдя навстречу, он порывисто обнял ее, и, глядя в васильковые глаза, сказал:

– Душа моя, как я скучал по тебе!

Сенька счастливо улыбалась. Они поужинали в своем любимом ресторане, потом поехали к Петру.

Когда они вошли в квартиру, Сенька ахнула: везде, где только можно, стояли букеты и букетики гербер. Как-то в разговоре, она обмолвилась, что это ее любимые цветы. Он запомнил. Весь его дом пах свежестью, какой-то весенней радостью, создавая романтическое настроение.

– Петр, ты – чудо! – воскликнула Сенька.

Громов довольно улыбался.

– Я думал, что эти цветы – чудо, а, оказывается, я!

В этот вечер много разговаривали, рассказывали друг другу о своих родителях, о детстве. Им было так хорошо вместе!

Петр любовался своей подругой. Ее черные волосы и необыкновенные глаза притягивали его, как магнит.

Почему ты так смотришь на меня? – спросила девушка.

– Не могу наглядеться. Ты такая красивая! Ты не сравнишься ни с одной женщиной, которых я знал.

Петр притянул ее к себе, снял очки и они стали целоваться.

Легкие руки девушки, ее губы, смелые прикосновения мужчины, его ласковый шепот – только это имело значение, остальной мир для них перестал существовать.

После упоительной близости, Петр снова, как и в первый раз, моментально заснул.

Сенька сказала себе, что у каждого есть недостатки и какие-то особенности, и не надо на Петра обижаться, надо принять его, какой он есть, и не обращать внимание, что после секса он не осыпает ее словами горячей благодарности, а спит.

Она опять выбралась из постели, приняла душ в кабине космического корабля и стала тихонько путешествовать по дому своего любовника. Она прошла все комнаты, кроме комнаты Леонида, зашла в кабинет, заваленный бумагами, книгами, справочниками. На огромном письменном столе она увидела фотографию в скромной рамке. На ней была заснята красивая брюнетка с мальчиком лет двух-трех. Сенька подумала, что это фото покойной жены с Леонидом, когда он был еще совсем маленьким. Но ее внимание привлек ребенок: у него, как и у женщины, были черные волосы. А Петр и Леонид оба русые. Сенька взяла фотографию в руки, чтобы лучше рассмотреть. И увидела в нижнем правом углу дату. Снимок был сделан недавно, год назад. А со дня смерти супруги Петра прошло пять лет.

С тяжелым предчувствием Сенька поставила фотографию на место. Посидела на кухне, подошла к спящему:

– Петр, дорогой, уже поздно. Мне домой пора. Завтра с утра в институт, тебе на работу.

– Солнце мое, спи тут. Я завтра тебя отвезу, не волнуйся! – пробурчал сонный Петр и снова крепко заснул.

Сенька поняла, что других вариантов не будет и пристроилась на край кровати.

Утро было похоже на семейное: звонок будильника, шутливое перепирательство кому встать первому, кофе с омлетом и бегом в машину.

В прекрасном настроении Сенька пришла в институт на лекции. Но мысль о женщине с фотографии отравляла ее счастливое состояние.

С тех пор, как Томка переехала к своему поэту, прошло два месяца. Понемногу любовная пелена начала спадать с ее глаз. В настоящий момент Томкины глаза были красными и несчастными.

– Томик, ты что, плакала?! – разглядывала ее Сенька.

Томка не хотела сознаваться, но под напором подруги пришлось:

– Ты знаешь, он ничего не делает. Совсем ничего! Лежит на диване, смотрит телик, пьет пиво. А больше – ничего! Ну, ест, понятное дело. Я не могу на это смотреть! Говорю ему, что так жить нельзя, а он сразу орет, что я тоже не работаю, денег не зарабатываю. Сенька, я думала он поэт, а он..., – и Томка снова разревелась.

Сеньке не верилось, что за каких-то два месяца ее веселая, жизнерадостная подруга превратилась в затюканную жену нахального бездельника. Ей захотелось утешить Томку:

– Не плач, слышишь? Не плач. Ты ведь у меня боец! Подожди немного, все будет хорошо. Прорвемся! Главное, надо закончить институт.

Томка согласно кивала головой.

Наступила зима. Зима в Питере и зима на родном Урале две большие- пребольшие разницы. Сенька любила Питер, но по уральской зиме скучала. Ей так не хватало белоснежного рассыпчатого снега, хрустящего под ногами. А красота зимнего леса в солнечный день! Снег, лежащий на тяжелых лапах елей, напоминает россыпи бриллиантов, так играют в его кристаллах солнечные лучи! Воздух чистый, морозный! Дышишь им, и надышаться не можешь! Уральцы очень любят природу, часто выбирают из города в лес или на озеро. Здесь, в прекрасном Питере, Сеньке не хватало этого. Когда Петр приглашал ее за город, она с радостью соглашалась.

Вот и на ближайшие выходные они решили поехать в загородный дом отдыха под названием «Зеленый бор», погулять, подышать свежим воздухом, полюбоваться природой.

Но Питерский декабрь отличился жуткой слякотью, грязью, перемешанной с химикатами, называемыми в народе солью, плюсовой температурой и тяжелыми свинцовыми тучами.

Приехав в «Зеленый бор», стало понятно, что прогулок не получится.

Петр не унывал:

– Есть и спать, спать и есть – это тоже неплохо!!

Несмотря на мерзлопаковую погоду, Есении и Петру очень понравилось в этом доме отдыха.

Роскошью он не отличался, но везде было чисто и аккуратно. Шторы и покрывало в номере на кровати были подобраны со вкусом и любовью. Картины, украшавшие стены, оригинальны. На первом этаже располагался ресторан (столовая, как говорили раньше) и администрация, а на втором и третьем – номера для отдыхающих. В ресторане в уютной обстановке кормили по- домашнему вкусно. Порции были большие, крупным мужчинам предлагали добавки, и все было так вкусно, будто это все приготовила с любовью мама или бабушка. Чувствовалось, что руководит этим заведением хороший хозяин.

Петр и Есения отдохнули от извечной городской суеты, хорошо выспались.

В воскресенье после обеда, Петр отвез Сеньку домой. Она так и не решилась спросить его про фотографию, не хотела портить выходные.

В последний месяц уходящего года в институте началась подготовка к сессии, к последней. Есения не переживала, она училась хорошо, во время сдавала курсовые, экзамены никогда не заваливала. Больше ее волновало будущее. Времени оставалось все меньше, а ее жизнь никак не определялась. Она надеялась, что Петр сделает ей предложение, но, увидев фотографию женщины с ребенком на его столе, поняла, что все не так просто. Ей хотелось откровенно поговорить с Петром, но было страшно узнать правду.

За неделю до нового года, Громов предложил Сеньке поехать вместе с ним в «Зеленый бор», тот самый дом отдыха, который им так понравился.

Петр, договорившись с директором, выкупил путевки с 31 декабря по 6 января для своих работников банка и для членов их семей. Каждый брал с собой всех своих детей, сколько бы их ни было, и мог взять еще одного члена семьи. Как правило, мужа или жену, иногда маму. Такой вот корпоратив.

Он позвонил Сеньке:

– Солнце мое, ты все равно в эти дни учиться не будешь, поедem! Я без тебя не смогу.

Почувствовав нерешительность девушки, он стал допытываться, в чем причина. Наконец, Сенька призналась:

– Понимаешь, мой гардероб вряд ли соответствует твоему статусу. Я буду себя неловко чувствовать перед твоими сотрудниками.

Он рассмеялся:

– Сенечка, душа моя, я как раз хотел попросить тебя купить мне шапочку и шарф, такие веселые, чтобы рядом с тобой помоложе выглядеть. И заодно, купи себе все, что нужно. В расходах не стесняйся.

Щепетильная Сенька хотела отказаться от предложения Петра, но, посоветовавшись с Томкой, поняла, что она «дура полоумная», «идиотизм по ней плачет», что она должна не на лекциях сидеть «как клуша недорезанная», а немедленно бежать в магазины, чтобы облегчить золотую карту, выданную ей Грозовым.

Сенька так и поступила.

Первым по ее маршруту оказался магазин мехов «Белые ночи». Переступив порог бутика, она увидела то, о чем мечтала всю свою жизнь, если точнее, года два. Это была ее голубая мечта – малиновая дубленка с белым норковым воротничком и манжетами, укороченная до колена. Примерив дубленочку, Сенька поняла, что снять ее не может. Приросла. К душе. Но цена отрезвляла. Сенька позвонила Грозову:

- Петр, дорогой! Я сейчас в магазине.
- Хорошо. И что?
- Я покупаю спортивную одежду для нашей поездки.
- А! Молодец! И что ты выбрала?
- Дубленку.
- ???
- Она такая красивая!
- Ну так бери.
- Дорогая очень.
- Я сказал, на цену не смотри. Нравится, покупай.
- Спасибо. Ты знаешь, я давно о такой мечтала.
- Все, солнце мое! Извини, мне некогда. У нас совет директоров.
- Я позвоню еще?
- Да, Да. Пока, целую.

Сенька не стала снимать обновку, в ней и пошла. А свой старый пуховик засунула в пакет. Она шла по Невскому, как королева. Мужчины оборачивались ей в след, женщины завидовали. Так ей казалось.

Она купила еще себе яркий горнолыжный костюм, зимние кроссовки фирмы «Найк», утепленные джинсы, обычные джинсы, пару очаровательных свитерков и устала. Да, шопинг-дело тяжелое!

Со всеми пакетами, взгромоздясь в такси, Сенька, совершенно счастливая, ехала домой.

– Завтра куплю Петру шапочку. – Думала она.

Назавтра она снова пошла по магазинам. И купила: обалденное платье, глубокого синего цвета, с открытой спиной, длиной до середины колена, такое красивое, что все тетки сдохнут. Туфли и клач, изумительно сочетающиеся с платьем, еще одни туфельки – на повседневную носку, две замечательные блузки, три комплекта белья, дорогуших, но удобных и очень красивых. Устала и поехала домой.

– Завтра куплю шапку! – дала себе слово девушка.

Назавтра ей попала белоснежная шапочка и шарф, которые очень шли к ее васильковым глазам и черным волосам. Петру, после долгих колебаний, она взяла вязанную крупной вязкой шапочку с отворотом и зазорным помпоном. Вся фишка была в расцветке: красная, желтая и белая полосы сменяли друг друга, напоминая по колеру цвета турецкой команды «Голотосарай». Короче, цвет шапки и длинного шарфа, которым можно было умотаться, назывался «выдри глаз». Расцветочка молодежная, как хотелось Петру.

Спортивная сумка у Сеньки была, почти новая и вполне приличная. Она решила сэкономить Петру деньги и обойтись этой своей сумкой. Вечером Сенька доложила, что она к поездке готова. И шапочка для Петра тоже куплена.

Утром 31-го они едут на целую неделю в Зеленый бор! Сенька надеялась, что там все решится. Петр делает ей предложение. Зачем бы иначе он стал наряжать ее и знакомить во всем своим коллективом?

Новогодний бал должен начаться в 22 часа. Женщины прихорашивались. Дети с радостными воплями носились по коридорам, предоставленные самим себе. Мужчины коротали время в баре. Во всем доме отдыха ощущалась атмосфера чего-то радостного и таинственного.

В холле стояла пышная, до самого потолка, елка, украшенная разноцветными гирляндами, бусами и шариками. Она напоминала взрослым о детстве, когда все были мальчишками и девчонками, верившими в Деда Мороза и в чудеса.

В зале ресторана на каждом столе в вазе стоял цветок герберы. На стенах висели гирлянды лампочек, еловые ветки наполняли своим ароматом помещение.

Зал по – тихоньку заполнялся. Каждому было отведено место за столиками. Для детей в холле был устроен праздник с подарками, Дедом Морозом и Снегурочкой. Таким образом, родители имели два часа свободного времени, чтобы спокойно посидеть и встретить Новый год с друзьями и коллегами.

Сенька вертелась перед зеркалом. Она немного нарядилась. Макияж сделал ее красоту еще выразительней. Волосы она заколола наверх, чтобы открыть спину. Надев новое платье и туфли, она ощущала себя королевой. Если не королевой, то, по крайней мере, женщиной, достойной стать женой банкира. Легкий румянец волнения сделал ее еще красивей. Петр подошел сзади, обнял:

– Солнце мое, нет на свете женщины, которая могла бы сравниться с тобой. Все будет хорошо. Я с тобой. Я хочу быть с тобой всю жизнь. Выходи за меня замуж.

Это произошло так трогательно и просто, что Сенька не поверила своим ушам.

– Что, что ты сказал? Повтори, пожалуйста, – попросила она.

Петр, поцеловав ее руку, протянул на ладони красную бархатную коробочку:

– Будь моей женой! Я люблю тебя.

У Сеньки все поплыло перед глазами. Петр обнимал ее, иначе она бы упала в обморок от нахлынувшего счастья.

– Петр, я так хотела услышать эти слова! Я так счастлива! Я согласна!

Слегка отстранив от себя невесту, Петр сказал:

– Душа моя, посмотри же на мой подарок.

Сенька открыла коробочку. Вот оно! Предмет ее мечтаний! Кольцо! И не важно, сколько оно стоит, это почти обручальное кольцо! С этого дня она почти замужем, почти жена! Но стоило колечко, надо сказать, немало. Петр умел угодить женщине и имел для этого возможность.

Счастливая пара смотрелась в зеркало. Она была прекрасна, он мужественный и уверенный в себе.

– Подожди, совсем забыл! – Он достал из барсетки коробочку с серьгами, которые он подарил Сеньке в прошлый раз.

– Надень, они очень подходят к твоим глазам и платью.

Не спеша, под руку, они спустились в зал ресторана. Шум голосов стих, народ увидел эту пару. Элегантность начальника и красота его спутницы были оценены по достоинству.

Усадив Есению за столик, Громов сказал небольшую речь, поздравил своих работников с Новым годом и веселье началось!

Настроение было чудесное. Музыка, смех, беготня ребятишек – все создавало счастливую атмосферу праздника.

Сияющими глазами Сенька смотрела на Петра. Вдруг ей показалось, что он напряженно смотрит мимо нее вглубь зала. Лицо его при этом стало серьезным, взгляд удивленным и настроженным. Он явно увидел кого-то, кого никак не ожидал увидеть. Сеньке жутко хотелось обернуться, но она понимала, что в такой толпе не разобрать, на кого он смотрит. И она пересилила свое желание.

Через какое-то время, Петр вышел в холл поговорить с мужчинами, она осталась за столом одна. Вдруг к ней подошла женщина и бесцеремонно села на место Петра. Сенька смотрела на нее и думала, где она ее видела? И вспомнила! Это та самая брюнетка с фотографии на столе Петра! Предчувствие беды навалилось на Сеньку.

– Здравствуй, милочка, – заговорила женщина, – я смотрю, ты такая счастливая. Хочу тебя предостеречь: если ты спишь с ним, это не значит, что у него это серьезно.

– А, если он сделал мне предложение? – спросила Сенька, показывая взглядом на кольцо.

– Если он сделал тебе предложение, это не значит, что он на тебе женится, – продолжала брюнетка.

– Это почему?

– Потому что Громов женится на мне.

– А он знает об этом?

– Пока нет. Но увидишь, так и будет.

– Откуда такая уверенность?

Незнакомка довольно улыбалась:

– Видишь ли, деточка, у нас с Громовым общий ребенок – сын. А ты знаешь, наверное, как он мечтает о наследнике? Не о таком, как Ленечка, а о настоящем? Неужели ты думаешь, что он откажется от сына?

– Почему же Петр раньше на вас не женился?

– Он не знал, что это его ребенок.

– Вы ему не сказали?!

– Ну, понимаешь, я была замужем. Зачем усложнять жизнь?

– Что же изменилось?

– Мы развелись. Я теперь свободна. А женщине одной так тяжело, особенно с ребенком. Вот я и решила выйти за Громова, за отца моего сына.

– Но он вас не любит!

– С чего ты это взяла? Если мужчина говорит одной женщине, что любит, это совсем не значит, что он не любит другую. Такая любовь, как была у нас, не проходит никогда и не забывается. И у нас, к тому же, есть сын. Я это тебе потому говорю, чтобы ты не питала иллюзий, дорогуша. Ты мне потом спасибо скажешь. Он же старше тебя в два раза! Я ему подхожу гораздо больше, чем ты. Ну, мне пора! Пользуйся, пока есть время!

И незнакомка, покачивая бедрами, удалилась по проходу между столиками вглубь зала. Сенька сидела как не живая. Даже думать не могла. Ей стало душно, трудно дышать. Она вскочила и побежала в холл. Слава Богу, Петра там не было. Она забилась в самый дальний, в самый темный уголок вестибюля, где за тяжелой портьерой стояло кресло с высокой спинкой. Слезы потекли из глаз, она отупело смотрела на подаренное кольцо. Всего два часа отделяли ее от счастья! Из замороженного состояния ее вывели голоса мужчины и женщины по другую сторону портьеры.

Мужчина был сердит:

– Ты почему здесь? – недовольно спрашивал он.

Сенька замерла, вжавшись в кресло еще больше. Она узнала этот голос и голос, отвечавший ему, ласковый, мурлыкающий, ни сколько не испугавшийся гнева Петра.

– Меня подруга пригласила. И тебя видеть захотела, поговорить.

– Белла, нам говорить не о чем! Уже четыре года, как не о чем! С тех самых пор, как ты бросила меня, не удосужившись даже объясниться!

– Ну, Петруша, не сердись. Я же была замужем. Какие объяснения?

– Ты говорила мне, что с мужем ваш брак фиктивный, а сама родила ребенка! Ты врала мне!

Женщина засмеялась.

– Вот именно об этом я и хочу с тобой поговорить.

– Жду. Начинай.

– Я рассталась с тобой потому, что забеременела. Чтобы муж ничего не заподозрил, мне пришлось наладить с ним отношения. Иначе, он развелся бы со мной, и я осталась бы нищей.

– Не понимаю, как бы он развелся с беременной женой?

– Дело в том, Петруша, что беременна я была не от него, а от тебя. У нас с тобой есть сын. Чудесный мальчик, ему три года.

– Я тебе не верю, – тихо произнес Петр, – ты все врешь.

– А генетической экспертизе поверишь? – промурлыкала Белла.

Петр смотрел на нее и воспоминания очень некстати представляли перед ним: ее шикарное, мягкое тело, ненасытное в любви, умелое, доводящее его до иступления. Оказывается, у него есть ребенок? Он был растерян, он не знал, что делать, что сказать?

Белла решила дать ему время прийти в себя. А в результате его решения она не сомневалась. Сексуально прикоснувшись к Петру, Белла прошла мимо. Она сделала то, ради чего приехала сюда. А сейчас ей лучше уехать, тем более, никаких подруг у нее здесь не было, ночевать нигде. Довольная, она вызвала такси.

Петр вернулся в зал. Есении за столом не было.

Есения, понимая, что от проблем прятаться бесполезно, выбралась из кресла и пошла искать Петра.

– Она называла его Петрушей, а он спокойно относился к этому, – думала Сенька.

Как-то она завела разговор, как его можно называть ласково?

– Петр. Больше никак. – Категорично отрезал он.

– А эта Белла, видимо, действительно имеет над ним власть. – Делала выводы Сенька.

Она подошла к Петру, села за столик. Он посмотрел на нее внимательным взглядом и понял, что Белла и с ней провела беседу.

– Как ты? – Спросил Петр.

– Очень плохо.

– Может, пойдем наверх?

Она согласилась, и они пошли в свой номер. Никто не мог начать разговор. На трюмо лежали две пустые коробочки: синяя и красная. Увидев их, Сенька заплакала.

Петр решил проблему по-мужски, взял из бара бутылку водки и выпил. Через полчаса он в пьяном отрубе похрапывал на кровати.

Сенька же понимала свое незавидное положение. Ей места в жизни Петра нет. И опять впереди пустота, опять она одна, позаботиться о ней некому. Как жить? Измученная вопросами, ответов на которые не было, наплакавшись, она, наконец, заснула.

Завтрак они, конечно, проспали. Когда Петр открыл глаза, Есения сидела в кресле. Она была грустной и несчастной, но уже не плакала. Молча глядя на похмельного жениха, она ждала объяснений.

Петр сел, посмотрел на нее большими глазами:

– Солнце мое, нам надо поговорить.

Она молча смотрела на него.

Он продолжал:

– Когда умерла моя жена, я сильно переживал. Целый год у меня не было женщин. Тогда мы с Беллой и встретились. Мы познакомились на каком-то мероприятии, не помню. Я как будто взорвался изнутри. Она дала мне то, в чем я нуждался: любовь. Да, я влюбился в нее. Мы встречались тайно целый год, пока она не исчезла. Она ушла, ничего не объяснив. Я с ума сходил, даже нанял детектива. Когда я узнал о ее беременности, я все понял. Она решила сохранить семью, а меня бросить. Но я и предположить не мог, что ребенок мой! Да, Белла такой человек, что без своей выгоды шагу не ступит. Я прекрасно понимаю, что и сейчас она ищет себе выгоду, но что мне делать с сыном?

– Ты уже считаешь мальчика своим сыном? – Спросила Есения, – а, если она обманывает тебя, врет? Три года молчала, а сейчас вдруг о тебе вспомнила? Очень странно это.

– Как раз в ее поведении я не вижу ничего странного. В этом вся Белла. Когда ей было лучше с мужем, она жила с ним. Как только они развелись, она переметнулась ко мне.

– Я понимаю, что ты уже все решил, – Сенька сняла с пальца кольцо, протянула его Петру, давая понять, что помолвка расторгается.

Ее движение привело Громов ярость:

– Неужели ты думаешь, что я забираю подарки у своих женщин?!? – взревел он.

Сенька не стала ломаться, сил на это не было. Она покорно надела кольцо.

– Белла сказала об экспертизе. Ты будешь ее проводить? – Спросила она.

– Буду. Я должен быть уверен, что это мой ребенок. Есения, я хочу тебя попросить кое о чем. Только постарайся понять меня правильно.

– Проси. Ты меня никогда ни о чем не просил. Я все для тебя сделаю, что в моих силах.

– Душа моя, я тебя люблю. И прошу одного: подожди до результатов экспертизы.

У Сеньки перехватило дыхание.

– Петр, ты хочешь, чтобы я была запасным аэродромом? И ты хочешь, чтобы я это поняла? Значит, если с Беллой у тебя не получится, ты вернешься ко мне? Извини, дорогой. Этого не будет. Мы расстаемся с тобой навсегда. Как бы ни сложилось у вас с Беллой, обо мне можешь забыть. Вызови мне машину, или я на автобусе уеду.

Сенька стала собирать вещи. Петр не стал вызывать такси, он решил, что сам отвезет Сеньку. Здесь ему одному делать нечего.

Они молча ехали в машине. Так закончились Новогодние каникулы, которых Сенька ждала и мечтала о счастье.

Громов остановил машину у общежития. Сенька понимала, что видит мужчину, за которого собиралась замуж, в последний раз.

– Петр, спасибо тебе за эти три месяца. Они были самыми счастливыми в моей жизни. Ты очень хороший человек. С Беллой или с другой женщиной, я желаю тебе счастья.

На глазах у нее были слезы. Громов понимал, какую душевную рану он нанес этой девушке. Но в свое оправдание ему сказать было нечего.

– Прости меня, Сенечка. Я хочу, чтобы ты знала: если тебе понадобится помощь, ты можешь в любое время дня и ночи позвонить мне. Я все для тебя сделаю. Прости меня, милая.

Так они расстались. Остальные шесть дней Сенька провела либо с Томкой, либо со слезами и с подушкой.

Томка прибежала второго января, отойдя от послепраздничного коматоза. Выслушав подругу, она не могла успокоиться:

– Почему ты отдала его этой бабе?! Надо бороться за любовь!

– Я его никому не отдавала. Он сам так решил, – Объясняла Сенька, – А за любовь бороться надо, когда она есть, а он любит Беллу. Вот она и борется.

– «Беллу», – передразнила Томка, – имя-то, какое противное!

– Нормальное имя. И, кстати, она очень красивая. Есть в ней что-то такое, чувственное. Мужики от таких с ума сходят. И Петр тоже.

– Знаешь, подруга, все к лучшему! Давай будем называть вещи своими именами. На сколько он тебя старше? – на 27 лет! Через десять ему будет 60, тебе 33, через двадцать, ему будет 70, тебе 43, – производила подсчеты Томка, – а зачем тебе старик? Ты – молодая, красивая, а он – старый и больной! Во-вторых, скажи честно, ты его безумно любишь?

– Да, люблю.

– Не верю! Ты мне ни разу не сказала, что любишь его! Ты видела в нем скорее отца и друга, но не возлюбленного. И не возражай! Тебе виделось в браке с ним решение всех проблем. И из благодарности ты думала, что любишь его. А теперь скажи, зачем тебе это надо? Старый муж, которого ты не любишь?

Сенька удивлялась словам подруги. А ведь Томка была права! Сенька и сама считала так же, но не хотела думать об этом, загоняя крамольные мысли в самый потаенный уголок своей души.

Томка это все озвучила. Получилось некрасиво, но правильно, с фактами не поспоришь.

Сенька понемногу успокаивалась:

– Как же мне дальше жить? Я опять одна.

– Знаешь, подруга, любовь приходит сама, не надо ее выдумывать. Все будет у тебя хорошо.

– А у тебя как, хорошо?

– Нет. Но я люблю своего лодыря. Иногда так разозлюсь, убила бы! Но без него не могу, люблю.

Подруги долго еще переминали косточки своим бывшим мужчинам, которые не оправдали их надежд.

Петр Алексеевич Громов находился в состоянии, не характерном для него – он находился в растерянности. Появление в его жизни снова этой женщины он мог бы пережить и найти силы прогнать ее. Ведь с Есенией у них все зашло слишком далеко. А он был порядочный человек. Но, увидев Беллу, он не смог остаться равнодушным. Все его естество словно тянулось к ней, помня каждый миг, проведенный в жарких, страстных объятиях этой женщины. Он думал, что ему удалось забыть ее. И он считал, что полюбил Есению, но, вновь встретившись с Беллой, не мог совладать со своими чувствами.

Оказывается, у них есть общий ребенок. Сын. Он даже не знает, как его зовут! Он так давно мечтал о сыне, о достойном наследнике. Да, он проведет экспертизу. Если ребенок его, они с Беллой поженились.

А Есения? Мысли о девушке очень беспокоили Петра. Но, что поделать? Так получилось. Он успокаивал себя тем, что не бросит ее на произвол судьбы, будет звонить ей, помогать. Да, помогать. И тут его осенило!

– Я куплю ей квартиру! – обрадовался удачной мысли банкир.

Имея свое собственное жилье, Есения забудет о своих проблемах и простит его, наверное.

Возобновление отношений с Беллой, генетическая экспертиза, показавшая, что Петр является отцом ребенка, знакомство с сыном так закрутили Громова, что он вспомнил о своих планах лишь в марте.

В это время в жизни Сеньки происходили важные события. Как-то вечером позвонила Томка и срывающимся от радости голосом вопила в трубку:

– Сенька, я все придумала!

– Да объясни толком! Что придумала?

– Слушай. У Дениски есть бабушка, старенькая, ей нужен уход. Живет она в двухкомнатной квартире. Бабулька адекватная, мы сегодня у нее были. Она меня обожает, за то, что ее недотепу подобрала. Тут я и сообразила! Говорю ей:

– У меня есть подруга, хорошая, чистоплотная. Давайте, она с вами жить будет, ухаживать, помогать. А вы ее за это пропишете, временно, конечно, пока она свое жилье не купит. Бабулька с меня слово взяла, что ты не будешь на жилплощадь претендовать. Правда, комната твоя маленькая, десять метров, а платить за нее ты будешь смехотворную сумму. Но, главное, она тебя пропишет!

Сенька боялась поверить:

– Томка, ты меня разыгрываешь?

– Когда я тебе врала? В субботу переезжаем! Вещи собирай.

Сенька обвела взглядом комнату, где жила пятый год. Комната на троих, но после третьего курса, к ним с Томкой никого не селили. Подруги жили дружно, вместе вели хозяйство. Эта комната видела и слышала много девичьих тайн. Это был их дом. Но, когда Томка уехала, Сеньке стало здесь одной неуютно. Она думала, что из вещей надо перевезти к бабушке Дениса. В комнате был небольшой телевизор, купленный подругами вместе, да большое зеркало. Все остальное – казенное имущество.

Перевозить Сеньку приехали Томка с Денисом на старенькой иномарке друга. Все вещи уместились в багажнике машины, перевезли все за один раз.

Сенька с волнением ждала встречи с бабушкой. На звонок дверь открыла старенькая женщина, но с прической, в аккуратном домашнем платье с белым кружевным воротничком. На Сеньку посмотрела настороженно:

– Я Анна Ивановна. А ты Есения? Проходи. Поживешь у меня, если ты мне понравишься, пропишу, но, учти, временно!

Сенькино добро затащили в маленькую комнату. Повезло, что в комнатке имелась большая кладовка. В нее поместился весь гардероб девушки.

Из мебели стоял диван и, выдавший виды, письменный стол, на который поставили телевизор. А вот зеркало пришлось повесить на дверь, другого места ему не нашлось.

Приведя свое новое жилье в порядок, Сенька постучала к хозяйке:

– Анна Ивановна, что нужно сделать?

– Поставь чайник, – распорядилась старушка.

Через неделю Анна Ивановна сдержала свое обещание, сдала документы на прописку.

Сенька была счастлива! Она готова была носить бабульку на руках, сдвигать с нее пылинки, кормить с ложечки, полы мыть ежедневно. Анна Ивановна привязалась к своей квартирантке. С доброй, внимательной девушкой ей не было теперь скучно.

Время летело. Мужчин в жизни Сеньки не наблюдалось. Прошла последняя зимняя сессия. Студенты – выпускники стали корпеть над дипломами.

Теперь Сенька с надеждой смотрела вперед. Она решила в мае начать поиски работы.

Зима сменилась весной. Снег моментально стаял, газоны зеленели молодой травкой и одуванчиками. На душе тоже было радостно и спокойно. Сенька гуляла по своему любимому Старо- Невскому, с удовольствием поедая эскимо. Зазвонил телефон. Она даже не глянула, кто ее вызывает. Уже давно ей никто не звонил, только родители, да Томка.

– Алло! – безмятежно ответила она.

– Есения, здравствуй, душа моя! – услышала она знакомый голос.

От удивления рука дернулась и эскимо, отвалившись от палочки, шлепнулось на тротуар.

– О, черт! – вырвалось у нее.

– Ты не можешь меня простить? – спросил Петр.

– Нет, нет! Здравствуй, Петр! Очень рада тебя слышать! Просто от твоего звонка у меня упало эскимо.

Мужчина рассмеялся. Он скучал по этой милой и смешной девочке.

– Я опять расстроил тебя?

– Да, ладно. Другое куплю.

– Есения, я хочу с тобой поговорить.

– О чем?

– Давай встретимся. В семь. В нашем ресторане. Жду тебя.– И он отключился, не дав Сеньке опомниться.

Она недоумевала, зачем он хочет ее видеть? Но больше ее заботило другое: до семи она не успеет переодеться, времени осталось только, чтобы добраться до места встречи.

А одета она была не для ресторана. Встречаясь с Петром, она старалась одеваться так, чтобы не подчеркивать огромную разницу в возрасте. А, оставшись одна, стала носить модные молодежные вещи, яркие, смешные. Вот сейчас на ней были свободного покроя галифе, ярко-желтые высокие ботинки на шнуровке с толстой подошвой и белая курточка. Волосы она распустила. Но весь ужас создавшейся ситуации заключался в том, что в ресторане ей придется курточку снять. А у нее под курткой – полосатая маечка с лозунгом во всю грудь: «Папуля, ты не прав!».

Выхода не было, Сенька пошла в ресторан. Гардеробщица округлила глаза, увидев наряд девушки, но промолчала. Хуже пришлось в зале, куда Сенька поднялась по шикарной лестнице. Подбежавший к ней метрдотель очумел от ее вида. Пока он беззвучно открывал и закрывал рот, набирая воздух в легкие, Сенька высмотрела в зале Петра. Пока ей вежливо объясняли, в чем сюда принято ходить, она помахала ему рукой.

– Меня ждет мужчина вон за тем столиком.– Сказала она.

Петр тоже махал ей рукой. Метрдотель, вздохнув, повел Сеньку к указанному месту, но узнав Громова, своего постоянного клиента, произнес с улыбкой:

– К Вам дочка присоединяется.

Петр довольно улыбался:

– С тобой, радость моя, не соскучишься!

Он поцеловал Сеньку руку.

– Я думаю, у тебя сейчас не я радость, – ответила она, – о чем ты хотел поговорить?

Петр сделал вид, что не слышал ее слов.

– Душа моя, я очень переживаю о тебе. Мы нехорошо расстались.

– Что же ты хочешь? – Удивилась Сенька.

– Я хочу купить тебе квартиру, небольшую, конечно.

Есения с грустью смотрела на своего несостоявшегося жениха. Она понимала его чувства, он, действительно переживал. И разошлись они по его вине. Купив ей квартиру, ему, наверное, будет легче, морально. Но разве можно возместить деньгами те страдания, что он причинил ей?

– Петр, успокой свою совесть. Ничего страшного не произошло. Если мы расстались, значит, так надо. Да, мне было очень больно. Но со мной ты не был бы счастлив. Обо мне не беспокойся, у меня все хорошо.

Петр смотрел на Есению. Он понял, что такой подарок она от него не примет.

– Есения, послушай меня и запомни. Если когда-нибудь ты в чем-то будешь нуждаться, позови меня. Я все силы приложу, чтобы помочь тебе. Ты мне веришь?

– Да.

– Даешь слово, что позвонишь?

– Спасибо, Петр, даю.

Наконец, принесли еду. Петр сказал Сеньке, что, пока ее ждал, заказал ее любимые блюда и, конечно, мороженое.

Ужин закончился, и Петр повез Сеньку домой. Ей пришлось сказать ему, что она переехала из общежития и теперь живет на Лиговском.

– Скажи номер дома, – удивился Петр.

– Останови, пожалуйста, у того магазина, мне надо кое-что купить.

– Тебя кто-то ждет дома? – Спросил Петр.

– Да, ждет. Я рада была повидать тебя. Спасибо.

– За что спасибо?

– За вкусный ужин, за то, что подвез. За то, что ты у меня был.

– Я у тебя был, есть и буду. Солнце мое, не забывай обо мне. Я не смог стать тебе мужем, можно хотя бы другом стану?

Сенька чувствовала, как к горлу подступают рыдания. Она не могла говорить, да и что скажешь? Все уже сказано. Она быстро поцеловала Петра в щеку и выпрыгнула из машины. Помахав на бегу рукой, она скрылась в дверях супермаркета.

Петр смотрел ей вслед. Он был уверен, что Есения еще появится в его жизни.

Сенька, купив для Анны Ивановны продукты, пошла домой. Настроение у нее было прекрасное.

Хозяйка встретила ее сердито:

– Где ты ходишь? Уже девять скоро! Не предупредила, я же волнуюсь!

Сенька обняла бабульку, поцеловала:

– Анна Ивановна! Как хорошо!

– Что хорошего? – моментально сменив обиду на любопытство, спросила Анна Ивановна.

– Все хорошо, жить хорошо!

И Сенька рассказала ей о своем романе с банкиром, о Белле, о сегодняшней встрече и его предложении.

Старушка не могла поверить:

– И ты отказалась от квартиры?! Почему?

– Сама не знаю. Не могу я такие подарки принимать. Неправильно это! Я мечтаю о своей квартире, но, если ее купит Петр, я никогда не смогу считать ее своей.

– Ну и живи с выжившей из ума старухой в десятиметровом чулане! – ворчала Анна Ивановна.

Сенька, обняв ее, счастливо засмеялась:

– Дорогая вы моя, какая же вы старуха? А уму вашему и доброте любой позавидовать может. Когда вы поселили меня в ваш «десятиметровый чулан», я была самой счастливой на свете!

На обеих собеседниц выступили слезы радости.

– Ну, пойдем, чаю попьем, – смахнув слезинку, сказала хозяйка.

В июле защита дипломного проекта. Время летело, мелькали дни, недели.

Сенька регулярно просматривала газеты с объявлениями, но ничего подходящего не находила.

Диплом подвигался хорошо. Но очень огорчала Томка. У подружки семейная жизнь никак не налаживалась.

Вот и сегодня она забежала к Анне Ивановне и, конечно, к своей подруге.

Томка выплакалась, рассказывая Сеньке, что муж ведет себя нагло, уходит из дома на целый день, а то и на два. Объяснять ничего не хочет. А когда она заводит разговор об отсутствии денег, он начинает орать, что она не умеет вести хозяйство и тратит деньги непонятно куда. А, если ей не хватает стипендии и родительской подачи, то пусть идет работать! При этом сам ни копейки не зарабатывает в семейный бюджет. Но постоянно кричит на нее и оскорбляет, если в доме есть к чему придраться.

– Пришла вчера из института, – жаловалась Томка, – Устала, до пяти на ногах у кульмана простояла, сама знаешь! А он лежит на диване и возмущается, что жрать нечего. Я на кухню, а там, как Мамай прошел: все перевернуто, посуда с объедками повсюду, накурено, грязь на полу. Сожрали все, что было в холодильнике! До часу ночи мыла и убирала. Не могу больше! Уйду я от него.

Сеньке до слез было жаль подругу, но чем тут поможешь?

– Томочка, потерпи хотя бы три месяца, пока не защитишься. Устроишься на работу, а там видно будет. Может, за это время Денис изменится?

Подруги поговорили о Петре, вспомнили разлучницу Беллу, поплакали над своими судьбами и разошлись умиротворенные. После «трепотерепии» всегда на душе легче, появляется надежда на лучшее, а несчастья кажутся ни такими уж страшными.

Майское солнышко припекало во всю. Работники по озеленению высаживали на клумбы и рабатки однолетние цветы. Цветущие тюльпаны и всевозможные первоцветы создавали радостно – приподнятое настроение. На сердце была сладкая истома, хотелось счастья и любви.

Сеньке было не до душевных модуляций. С работой ничего не получалось! Либо вариант оказывался вообще неприемлемым, либо нагло ввали об условиях труда и окладе. И тогда ей в голову пришла идея. Два дня она сомневалась, стоит ли это делать? Два дня готовила речь, а в результате все пошло не по ее сценарию. Она позвонила Петру:

– Петр, здравствуй, это Есения.

– Душа моя, как я рад, что ты позвонила! Как дела? Что-то случилось?

– Ты извини меня, если я тебя грузю своими проблемами, но дело в том, что мне нужна работа. А я никак не могу найти подходящую. Ты не поможешь?

– Какая работа для тебя подходит?

– Ты помнишь, в июле у меня защита. По специальности я технолог машиностроения, хорошо разбираюсь в чертежах. Ну там, спецификации всякие, сборки, детализовка, цепи размерные...

Петр не дал ей договорить:

– Знаю, знаю, не объясняй, тоже МИФИ заканчивал.

– Ты? МИФИ?

– А ты думала, есть ВУЗ, который банкиров делает? Солнце мое, я понял твою печаль. Постараюсь помочь. Не волнуйся, заканчивай спокойно учебу. Я позвоню.

Защитились подруги в один день. Томка получила «хор», а Сенькин диплом комиссия оценила на «отл». После защиты все пошло в кафе, отметить это событие. Но Томка отказалась:

– Сенька, денег нет, да и Дениса злить не хочу. – Она поехала домой.

Сенька с однокурсниками забурились в кафе, расположенное рядом с институтом. Веселье было в самом разгаре, когда зазвонил Сенькин телефон:

– Солнце мое, как твои успехи?

– Отлично! Все, я защитилась! Мы в кафе сидим, отмечаем! – старалась перекрыть друзей Сенька.

– Поздравляю! А у тебя, случайно, диплом не красного цвета?

– Нет. Есть четверки. А что?

– Ничего, это я так спросил. Думаю, скоро позвоню тебе с новостями.

Громов думал о просьбе Есени. На какую работу можно устроить нежную красавицу с техническим образованием? Один его бывший однокурсник занимал должность директора завода военной техники. На предприятии царил порядок, поддерживаемый дотошными военными представителями. Банк Петра не раз выручал директора в трудные перестроечные времена. Банкир и директор часто встречались на торжественных мероприятиях, иногда вместе обедами. Оба с большим уважением относились друг к другу и дорожили своей дружбой. К нему-то и решил обратиться Петр с просьбой и набрал его номер телефона:

– Иван Сергеевич, приветствую тебя! Как дела? – начал он ритуал обмена мужскими любезностями.

– Петр Алексеевич, рад тебя слышать, дорогой! Все отлично, благодарю. Как ты? Слышал, ты женился. Поздравляю, дружище.

– Спасибо. Да, женился, и сын уже есть, наследник! Иван, я к тебе по делу. Давай встретимся, пообедаем. Поговорить надо.

Мужчины выбрали день и договорились о встрече.

Петр смотрел на своего однокурсника. Иван постарел, немного расплылся, в глазах – усталость. Волосы поредели, на лбу глубокие залысины.

– Да, стареем. И я, наверное, такой же, мы с ним с одного года, – думал Петр, – Хорошо, что я на Есени не женился. Она мне в дочери годится. Мы с ней смотрелись бы смешно.

– Ну, выкладывай, что случилось? – начал разговор Иван Сергеевич.

– Слава Богу, ничего не случилось. Но, Вань, помочь надо.

– Кому?

– Одной очень хорошей девушке.

– Чем?

– На работу возьми ее к себе.

– Девушка твоя?

– Нет, к сожалению, не моя. – Петр решил, что Ивану не обязательно знать об их отношениях.

– Красивая?

– Очень. И умная.

– Странное сочетание, – задумчиво произнес директор завода.

– Что она умеет? Образование? Прописка?

– Техническое. Технолог, Хорошо разбирается в чертежах. Прописка Питерская.

– Какую ей надо работу?

– Я думаю, в управлении, с бумагами и оклад побольше, чтобы не нуждалась.

– А ты что не поможешь материально?

– Не поверишь, предлагал. Отказалась!!

– Да, странная девочка. Мне подумать надо. Позвоню. Когда хочет приступить?

– Вчера. – Ответил Петр.

Иван Сергеевич позвонил через несколько дней:

– Петр Алексеевич, у меня в отделе место освобождается. Работа не пыльная, но с головкой дружить надо. И главный у меня очень требовательный. Если твоя красотка не потянет, уволит. Испытательный срок – месяц. Оклад хороший. Пусть идет в отдел кадров, оформляется, я дам указание. Если что, звони. Как ее зовут- то?

– Есения. А фамилии я не знаю.

– Как, как?

– Есения, – повторил Громов, – в честь Сергея Есенина отец назвал. Спасибо, Ваня, я твой должник!

Петр сразу позвонил Сеньке. Девушка прыгала от радости с телефоном по квартире Анны Ивановны. Объяснив, что надо делать, Петр попрощался.

На Сеньку напало волнение. Завтра она идет устраиваться на работу! Что надеть? Какую сделать прическу? Если распустить волосы, скажут, не работать пришла, а воображать. Если заплести косу, воспримут, как девочку и отнесутся несерьезно.

– Сделаю хвост. – Решила Сенька.

К девяти часам утра к проходной завода подошла высокая, стройная брюнетка в простой нежно- фиолетовой блузке. На шее у девушки была тоненькая золотая цепочка с крестиком, в ушах – маленькие сережки с бриллиантиками, подарок папы на двадцатилетие. После долгих раздумий, она решила не сверкать ногами и надела юбку, длиной до колена. Образ получился современный, но скромный.

Оформление заняло часа два. За это время Сенька слышала за спиной ехидный шепот:

– Это по личному указанию Ивана Сергеевича! – и ловила заинтересованные взгляды.

– Бедный Иван Сергеевич, сейчас навесят на него гадкие сплетни, а он, наверное, женат. – Переживала Сенька.

Итак, через неделю она приступает к работе! За это время надо подобрать себе квартиру в строящемся доме. Это намного дешевле, чем уже полностью построенная. И она с головой ушла в изучение рынка недвижимости.

Леонид со своей женой Лаурой жили, как ни странно, душа в душу. Сведенные вместе родителями, молодые люди поняли, что их не оставят в покое, пока они не поженятся. Родители Лауры совершенно не справлялись с буйным нравом дочери. Вконец измученные, они мечтали переложить на зятя заботы о дочери и пожить спокойно, хоть на старости лет. Петру так же не удавалось добиться от сына самостоятельности. Женив его на выгодной партии, он решил откупиться от бездельника, назначив ему ежемесячное пособие.

Молодые люди, несмотря на свой образ жизни, дураками не были. Они сразу сообразили взаимную выгоду такого союза и даже подружились. Если они поженятся, как хотят родители, переедут от стариков в свою квартиру, их не будут контролировать, закончатся, наконец, надоевшие скандалы и истерики матери. Денег тоже не надо будет просить! И Петр Алексеевич, и родители Лауры, обещали переводить на карточку каждый месяц неплохую сумму. Откровенно поговорив, выяснив отношения, молодые люди поняли, что поженившись, они смогут вести образ жизни, к которому привыкли, могут тусоваться, как раньше, только вместе. Они договорились разрешать друг другу маленькие радости на стороне, но соблюдая правила приличия.

В первую брачную ночь они, взявшись за руки, втайне от родителей, помчались в ночной клуб, хвастаясь перед друзьями обручальными кольцами, изображая влюбленных.

Жизнь Леонида и Лауры проходила в модных тусовках, светских раутах, в гламуре и брендах. Они считали себя элитой, сливками общества, на самом деле являясь совершенно ненужными, развращенными и бесполезными людьми.

Их элита являла собой сборище карикатур на нормальных людей. Мелькая на экране телевизора или попадая с очередным скандалом в гламурный журнал, они вызывали смех, недоумение и непонимание нормального, среднестатистического человека. Эти прожигатели жизни не представляют себе истинных ценностей. Свою ущербность они считают исключительностью, теша себя иллюзией праздной, им одним доступной жизни.

Так и порхали дружные молодожены от одного светского мероприятия к другому, как та стрекоза Крылова, с той лишь разницей, что насекомое бездельничало только летом, а Леонид с Лаурой круглогодично. Денег, что давали родители, катастрофически не хватало, но они тешили себя надеждой, что рано или поздно, все имущество родственников достанется им.

Женитьба Петра Алексеевича неприятно удивила Леонида. Но к этому он был готов морально после разговора с Есенией. Поссорить ее с отцом у него не получилось, поэтому он ждал, что отец может объявить о свадьбе. Каково же было его удивление, когда отец резко сменил невесту и женился на своей бывшей любовнице Белле. Но не это было самым неприятным. Леонид был уязвлен в самое сердце, когда отец знакомил его с ребенком:

– Леонид, это Тарасик, мой сын и наследник. Тарас Петрович, это твой брат.

Тарасику было все равно, он с увлечением откручивал золотой зажим с галстука отца. А вот у Леонида потемнело в глазах:

– Отец сказал, что этот карапуз – его наследник! А я, значит, уже никто?! – Злость душила, обида подступала к самому горлу.

– Как поведет себя Лаура, когда узнает, что отец лишил меня наследства? – со страхом потерять привычную жизнь, размышлял он.

В эту ночь Сеньке не спалось, сказало волнение дня. Нежный лунный свет освещал диван, на котором лежала девушка. Она думала о своей жизни, вспоминала всех своих мужчин. Первый, Леонид, был, конечно, ошибкой, отрицательным опытом. Жаль двух лет, проведенных с ним.

Второй, Максим Вайда, налетел на нее, как ураган, закружил, закидал цветами, красивыми словами и исчез, словно небывало. Он не оставил ран в душе. Вспоминая его, она всегда улыбалась. Обиды не было, лишь светлая грусть сопровождала воспоминания о нем.

А вот третий, Петр Громов, заполнил всю ее душу. Она полюбила его. Не за то, что он был богат, а за его доброту, порядочность, щедрость, равнодушие. Такого человека, как Петр, она никогда не встречала. Разрыв с ним она страшно переживала. Но, в конце концов, поняла, что это к лучшему. Они не подходили друг другу, и появление Беллы расставило все на свои места.

У Томки в семье продолжались скандалы. Ее родители вышли на пенсию и, учитывая то, что дочь закончила обучение и может сама заработать себе на жизнь, перестали высылать ей деньги. Они сами сейчас вынуждены экономить, чтобы прожить на нищенскую пенсию. Денег в семье стало еще меньше. Денис метал молнии, обвиняя жену во всех смертных грехах, но сам идти работать не хотел. Даже мысль такая не посещала голову поэта. Однако запросы у него были королевские: чтобы в холодильнике – вкусненькое, чтобы дома – идеальный порядок, чтобы рубашки наглажены, брюки отутюжены, чтобы пивко холодненькое – каждый день. Томка искала работу и, наконец, ей повезло. Ее взяли на частное предприятие технологом. Работа, конечно, не женская, но оклад хороший.

10 июля Сенька начала свою трудовую деятельность. В городе стояла страшная жара. От духоты не спасали даже кондиционеры. Люди старались посидеть в тенечке, у фонтанов, попивая воду из бутылок. А что делать тем, кому с девяти до шести сидеть в помещении?

Учитывая вышесказанное, Сеньке пришлось одеться полегче, более открыто, а, значит, более откровенно. Она надела светлые бриджи, босоножки на невысоком каблучке и свою любимую маечку с «папулей». Так она предстала перед главным инженером завода – Дмитрием Степановичем Прохоровым.

Тот без энтузиазма разглядывал смазливую девчонку, которую навязал директор, вместо уволившейся пенсионерки. Он лелеял мечту, что возьмет на это место нормального мужика, а пришлось взять эту ненормальную в майке. По одному ее внешнему виду он решил, что она, как все симпатичные бабы, дура и разговаривать ему с ней не о чем, только время терять.

Он вызвал непосредственного Сенькиного начальника:

– Вот, Егорыч, забирай. Новый твой работник, работница, – он сделал ударение на последнем слове, – введи в курс дела, познакомь, посади, короче, идите. Все.

Настроение у него было, как говорится, ниже плинтуса. Да, поставил его Иван Сергеевич в положение, ничего не скажешь! Говорят, он спит с ней, а отдуваться за эту дуру ему придется.

Егорыч, немолодой человек, толстый и смешной, руководитель группы, познакомил Сеньку с тремя сотрудниками. Двое мужчин, около пятидесяти лет, равнодушно взглянув на новенькую, снова принялись за работу. А третья, женщина неопределенного возраста, но явно далеко за тридцать, проявила к Сеньке неподдельный интерес.

– Ты, милочка, сюда попала благодаря Ивану Сергеевичу?

Сенька терпеть не могла обращение «милочка», а, с некоторых пор, это слово действовало на нее, как красная тряпка на быка. Но она себя сдержала и спокойно ответила:

– Да, Иван Сергеевич устроил меня на работу, раз уж вам все известно, и я ему очень за это благодарна.

– Ну, думаю, твоя благодарность ему не будет знать границ? – не унималась женщина.

– Думаю, вас это не касается. Владислав Егорович, – обратилась Сенька к начальнику, – введите меня, пожалуйста, в курс моих обязанностей и дайте мне работу!

Потихоньку, помаленьку, Сенька сдала все экзамены по допуску к секретным документам, изучила все необходимые инструкции и начала работать самостоятельно. Она, согласно конструкторской документации, составляла для головного предприятия разные отчеты, спецификации, заявки. В общем, вела бумажную переписку, необходимую для бесперебойной работы завода. Через месяц она уверенно обходилась без консультаций Егорыча.

Главный инженер, получая на подпись документы, составленные Есенией, удивлялся грамотности и четкости их выполнения.

– Егорыч, признайся, ты за новенькую работаешь? – Допытывался Прохоров.

– Да нет же, Дмитрий Степанович! Не смотри, что красивая, – умная девчонка! На лету все схватывает. Ее документы можно подписывать, не проверяя, не то, что Веркины.

Верка – это та женщина за тридцать, давняя и безнадежная любовь Егорыча. Дама склочная, вредная и ленивая, но любовь не выбирает! Все годы работы Егорыч покрывал Веркины ляпы, исправлял ее ошибки, а, частенько, и работал за нее вечерами.

Главный прекрасно это знал, но щадил чувство Егорыча, не выгонял нерадивую работницу. Он с радостью бы расстался с ней. Была еще одна причина: Верка положила глаз на неженатого главного инженера. Она так надоела ему своими ухаживаниями! Грубить ей он не хотел, но вежливого отказа Верка не понимала.

Появление умной и исполнительной Есении, приятно удивило Прохорова.

– Пусть она хоть с кем спит, лишь бы работала хорошо. – Думал главный.

Верка быстро смекнула, что с Есенией лучше дружить. Она стала ласковой, дружелюбной. Сенька отвечала ей тем же, не веря в ее искренность. Однажды, когда Егорыч был на больничном, Верка завела разговор:

– Есения, а как тебя мама с папой называли, когда ты маленькой была? – Лезла под кожу Верка.

– Есения. И все! Никаких других вариантов! – Отрезала Сенька.

– Ну, ладно, ладно, я просто так спросила. Знаешь, у меня к тебе просьба, ты не могла бы проверить мой отчет?

Сенька от такой наглости остолбенела:

– Вера, мне проще за тебя новый составить! Нужно ведь все чертежи и инструкции поднимать!

– Ты что, не хочешь мне помочь?

Мужчины в комнате прислушивались к женскому разговору.

– Ну, хорошо. Я доделаю свое, потом твоим отчетом займусь. Но, учти, это в первый и в последний раз!

Есения позвонила Анне Ивановне, предупредила, что задержится на работе. Свои документы она положила в папку «На подпись главному», а Веркины стала изучать. Пришлось поднимать кучу документации. Мужчины и Верка ушли домой, а Сенька осталась составлять отчет за наглую сотрудницу.

Кабинеты директора и главного инженера находились дальше по коридору напротив друг друга. Каждый день руководители предприятия несколько раз проходили мимо комнат своих подчиненных, контролируя их режим дня и рабочую обстановку.

Сегодня Дмитрий Степанович засиделся на работе дольше обычного. Он не торопился домой. Жил один, его никто не ждал. Но сегодня он явно переработал. Распрямив усталые плечи, он встал, потянулся и решил пойти домой.

Какого было его удивление, когда, проходя по коридору, он увидел пробивающуюся из – под двери полоску света.

– Свет не выключили, охламоны! Накажу! – Подумал он, толкая дверь.

Дверь мягко подалась и его взору предстала удивительная картина: за столом, обложенная чертежами, спецификациями, инструкциями с включенным компьютером, сидела Есения и сосредоточенно заполняла форму отчета.

Она распустила волосы, обычно стянутые в тугий пучок, и они свободно рассыпались по спине мягкими, черными волнами.

Девушка так увлеклась работой, что не заметила Прохорова. А он не мог налюбоваться прекрасным созданием с чертежами.

Наконец, он перевел взгляд на то, что писала Есения. Возмущение вырвалось наружу:

– Есения, вы почему делаете не свою работу?! Кто вам ее поручил? – Голос главного напоминал по тембру рык льва на охоте.

Сенька подпрыгнула от испуга.

– Мне никто не поручал. Но, понимаете, Дмитрий Степанович, Вера попросила проверить ее отчет, Егорыч – то на больничном, а мне проще заново составить, чем ее ошибки исправлять, – простодушно объясняла Сенька.

– И часто вы этим занимаетесь?

– Я ей сказала, что в первый и в последний раз.

– Когда надо отсылать отчет?

– Послезавтра, но вы его подписать еще должны.

– Много осталось?

– Минут на сорок, не больше.

– Заканчивайте, я подожду. Вы не должны оставаться здесь одна, не положено. Вдруг вам плохо станет? Закончите, принесите в мой кабинет. – Распорядился главный.

Сенька, зная крутой нрав Прохорова, молчала. Минут за двадцать она доделала Веркину работу, вложила в папку на подпись, завязала волосы в хвост и пошла в кабинет к главному инженеру.

Он сидел за столом и о чем-то думал.

– Можно, Дмитрий Степанович?

– Заходите, Есения.

Он удивленно смотрел на девушку, протягивающую ему папку с документами.

– Зачем вы это сделали? – Спросил он.

– Я уже вам объясняла. Вера попросила, неудобно было отказать, а так как Егорыч на больничном...

– Я про прическу. Вам так красиво, когда волосы распущены. – Перебил ее Прохоров.

Сенька смутилась. Она не ожидала от него простой человеческой речи. Он всегда был строг и даже резок с Сенькой, а тут... почти комплимент!

– На работу с распущенными волосами неудобно как-то.

– Но вы же распустили.

– Так никто не видел!

– А я – никто?

Сенька совсем смутилась.

– Я этого не говорила. Вы случайно зашли.

– Знаете, Есения, я очень доволен, что случайно зашел. Это помогло мне разобраться в ситуации и принять, наконец, решение. Собирайтесь, я вас отвезу домой!

Это было сказано с такой интонацией, что возражать было бесполезно.

Сенька взяла сумочку, закрыла окно, выключила свет, закрыла дверь. Дмитрий Степанович уже ждал ее в коридоре.

Главным инженером его назначили два года назад. Грамотный специалист с пытливым умом и ответственным характером, он уверенно шагал по карьерной лестнице. Симпатичный тридцатипятилетний главный инженер взбаламутил все женское общество на родном заводе. Он никому не оказывал знаков внимания. Говорили, что у него есть женщина, с которой он живет. Другие говорили, что он женат, но разводится. Впрочем, личная жизнь главного – потемки.

Прохоров с Есенией прошли через проходную, чем ввергли вахтера в шок, сели в машину Дмитрия Степановича.

– Где вы живете? – Спросил он.

Сенька назвала адрес.

– Завтра, Есения, вы снова задержитесь?

– Нет, – Удивилась Сенька его вопросу, – у меня завтра очень важное мероприятие. Я не могу опаздывать.

– Поделитесь, если не секрет. Какое?

– Не секрет. Я завтра покупаю квартиру. Правда, дом еще строится. Так что переехать смогу года через два, не раньше. Но для меня это такое долгожданное событие!

– Да, поздравляю. А где сейчас вы живете?

– С одной чудесной бабушкой. Мне так повезло! Она сдает мне комнату, а я ухаживаю за ней. Но, главное, она меня прописала. Представляете, Дмитрий Степанович, я для нее совсем чужая, посторонняя, а она меня, можно сказать, спасла. Мне ведь жить совсем негде было, и работы тоже не было.

– Есения, простите за вопрос, а Протасов, почему вам не помог?

– Какой Протасов?

– Как какой? Наш директор, Иван Сергеевич Протасов. И он, вроде, ваш... опекун.

– Я даже не поняла, о ком вы говорите. А почему он должен мне помогать? И какой он мне опекун? С чего вы это взяли? – не понимала Сенька.

– Так что, вы с директором не близко знакомы?

– Первый раз я его увидела, когда на работу пришла. Почему вы спрашиваете?

– Иван Сергеевич спрашивал о вас у меня. Интересовался, не обижаю ли я вас? Вот я и подумал.

Сенька рассмеялась. Вот, значит, почему главный был с ней так суров. Он Бог ведь что навыдумывал!

За разговорами они подъехали к Сенькиному дому. Она поблагодарила его и побежала домой. Дмитрий Степанович смотрел девушке вслед. Теплое, давно забытое чувство разливалось в душе мужчины.

На следующий день Верка пришла на работу раньше Есени. Она перерыла оба стола, отчета нигде не было. Когда Сенька вошла в комнату, Верка накинулась на нее:

– Где мой отчет? Стерва! Ты подставила меня! Пообещала и не сделала! Ну ты и гадина! Думаешь, если с директором спишь, тебе все можно?!

Проходивший по коридору Прохоров, услышал Веркины вопли и открыл дверь комнаты.

Верка, красная от гнева, орала на Есению, побледневшую от несправедливых оскорблений.

– Прекратить! Есения, вы, Вера, и исполняющий обязанности Егорыча, ко мне в кабинет! Быстро!

Все собрались вокруг длинного стола главного.

– Ваш отчет, Вера, находится у меня со вчерашнего вечера. Я давно подозревал, что Егорыч работает за вас. Но вчера убедился, что вы готовы своей работой загрузить всех, лишь бы самой ничего не делать! Мне такие работники не нужны. Вы, Вера, уволены. Зайдите в отдел кадров за расчетом. Вы, – он посмотрел на и. о. Егорыча, – получите выговор за нарушение трудовой дисциплины в коллективе. А вы, Есения, будете выполнять и свою работу, и Веры, с прибавкой к жалованию 40%. Вас это устраивает, Есения?

Сенька от страха ничего не соображала. Она поняла, что Прохоров ждет от нее ответа и, кивнув головой, сказала:

– Да.

– Все свободны. Есения, задержитесь. Вера, через полчаса чтобы вас здесь не было! Засаекаю время!

Сенька осталась у Прохорова. Он смотрел на нее. Есения понемногу приходила в себя.

– Дмитрий Семенович, что это было?

– Рабочее совещание, – улыбнулся главный.

– А я с чем только что согласилась?

Прохоров рассмеялся.

– Есения, вам когда-нибудь говорили, что с вами не соскучишься?

– Все говорят. Моя бабушка меня недотепой звала. Наверное, поэтому все и смеются надо мной.

– Ну что вы. Если вы не ответили на хамство Веры, это не значит, что над вами смеяться надо. За это надо уважать. А согласились вы с моим предложением... – и он объяснил ей, что она будет совмещать свою и Веркину работы, но этого бояться не надо. Разобравшись в обязанностях уволенной, Есении не будет трудно выполнять двойную работу.

Сенька согласилась с его доводами и собралась уходить.

– Подождите еще немного, – сказал главный, глядя на часы. – Вера уйдет через пять минут. Я не хочу, чтобы вы встретились, от нее всего можно ожидать.

Через пять минут Есения вернулась в свою комнату. Верки не было. Сенька вздохнула, даже дышится легче!

В конце рабочего дня ей позвонил Прохоров:

– Есения, как ваши дела? Справляетесь?

– Да, Дмитрий Степанович, все хорошо. Документы у вас будут вовремя.

– Хорошо. Я вот что подумал: вы вчера сказали, что покупаете квартиру. Если хотите, съездим вместе. Может, я чем-то помогу?

Сенька обрадовалась. Она даже хотела попросить Петра, но постеснялась.

– С удовольствием, Дмитрий Степанович! Спасибо вам за помощь!

Они снова вдвоем прошли мимо вахтера, снова сели в машину главного. Народ застыл в изумлении.

– Вот нас и поженили. – Подумал Прохоров. Но от этой мысли ему было приятно.

Не спеша, они изучили договор на покупку квартиры, внесли первоначальный взнос, деньги на который дали родители. Сенька была взволнована:

– Неужели у меня будет своя квартира?! Дмитрий Степанович, я так благодарна вам за помощь. Знаете, я с этими деньгами целый день носилась, как курица с яйцом: то в сейф положу, то в сумку, то в стол. Ну, слава Богу! – все оформили, теперь только ждать и выплачивать.

Прохоров был доволен, он вызвал у девушки такую искреннюю благодарность, практически ничего не делая. Он представил себе, что скоро приедет домой, в пустую, холодную квартиру, где его никто не ждет и ему стало грустно.

– Есения, а как вы смотрите на то, если я приглашу вас поужинать в ресторан и мы отметим ваше приобретение?

Сенька смутилась. Итоги вчерашнего дня показывали, что отношение к ней Прохорова выходит за рамки схемы начальник – подчиненная. Он стал проявлять к ней заботу, стал обращать внимание на ее внешность. Ей, конечно, нравилось неравнодушие начальника, но к новым любовным отношениям она была не готова.

– Дмитрий Степанович, спасибо за приглашение, но я вам говорила, что ухаживаю за пожилой женщиной, хозяйкой квартиры, где я живу. Я вчера пришла поздно, сегодня мне надо домой пораньше. Вы не обижайтесь. Может, в другой раз?

– Есения, вы мне отказали? – Улыбаясь, уточнил Прохоров.

– Ну да. Отказала. А почему вы улыбаетесь?

– Если честно, мне и голову не приходило, что мне можно отказать!

– И это так вас обрадовало?

– Есения, вы удивительная девушка.

Он довез ее до дома и уехал в свое одиночество.

Сенька рассказала Анне Ивановне, что купила квартиру. По обещаниям застройщиков, через два года можно будет заезжать. Бабуля рада была за свою квартирантку, но и расстроилась:

– Как я жить- то одна буду?

Сенька успокаивала старушку, обещала не забывать.

Покончив с домашними делами, Есения ушла в свою комнату. Ей хотелось тишины и покоя, чувствовалась усталость от переживаний и суматохи дня.

Она легла и включила телевизор. Вскоре поняла, что даже не понимает, о чем речь в передаче, а думает совсем о другом. Она думала о Прохорове. Когда она увидела его в первый раз, он показался ей строгим, нелюдимым человеком, смысл жизни для которого – работа. Короче, сухарь, лишенный чего- либо человеческого. Но, постепенно, она разглядела в нем проявляющиеся черты, которые ей очень нравились. Да и сам Дмитрий Степанович был довольно интересным мужчиной: высокий, стройный, приятной наружности, с очаровательной улыбкой.

Сенька понимала, что надо выбирать: либо продолжать знакомиться с Прохоровым все ближе и ближе. Либо ограничиться отношениями «начальник- подчиненная».

– Я не хочу снова быть любовницей. Мне уже 24 года. Я хочу семью, а мужчины не относятся ко мне серьезно. Не хочу заводить роман с начальником. Пусть это отразится на моей работе, но его любовницей я не буду. – Решила Сенька.

На душе полегчало, когда решение было принято. И она спокойно заснула.

Наступила долгожданная пятница. И, ура!, спала жара. Жить, дышать, работать стало легче.

Прохоров шел в свой кабинет в прекрасном расположении духа. Мысли об Есении все больше овладевали им:

– Она отказалась вчера пойти со мной в ресторан, – он загадочно улыбался, – посмотрим, что она сегодня скажет?

В нем проснулся азарт охотника. Мысленно он расставлял ловушки, в которые Есения должна попасться.

Сенька пришла на работу в прелестном голубом костюме: короткая юбочка и жакет с атласной отделкой по вороту. Все оттенки синего невероятно шли ей, подчеркивая красоту ее глаз. Выглядела Сенька прекрасно.

Приняв вчера решение не заводить с главным близких отношений, она встала пораньше, перемерила все свои наряды, долго крутилась перед зеркалом, стараясь красиво уложить волосы. Нанесла легкий макияж, надела модные туфли и осталась очень довольна собой.

Ее рабочий день начался с мысли:

– Когда Прохоров пригласит меня в кабинет?

Но до обеда ее телефон молчал. После обеденного перерыва Сенька стала удивляться, что он не звонит, после четырех часов – проявлять недовольство:

– Да что он себе позволяет? Почему не звонит?!

Когда рабочий день закончился, она раздумывала: идти домой или задержаться на работе, чтобы этот противный Прохоров, наконец, увидел ее, поразился ее красоте, а она бы ушла домой, не проявляя к нему никаких эмоций. Идти домой все же не хотелось, пятница же! Но и оставаться на работе не было видимых причин. Она чувствовала себя обиженной, маленькой девочкой, которой показали конфетку, а не угостили. Хотелось плакать.

Прохоров зашел к Протасову.

– Проходи, проходи, Дима. – Радушно встретил его директор, – Что за дело у тебя в пятницу?

– Личное, Иван Сергеевич.

– Выкладывай, что случилось?

– Я хочу поговорить о нашей новой сотруднице, Есении.

– А что с ней? Ты говорил, что доволен ее работой, даже оклад добавил.– Недоумевал директор.

– С работой проблем нет, я о другом...

– Ну говори уже!

– Есению ко мне устроили по вашей рекомендации.

– И что?

– Извините, Иван Сергеевич, но я должен у вас спросить: какие вас с Есенией связывают отношения?

– Что за вопрос, Дима?

– Честно вам скажу, я у нее спрашивал, она сказала, что практически с вами не знакома.

– Правильно говорит.

– Почему же вы ее на работу устроили?

– Меня попросил один мой старый друг. Не пойму, к чему ты клонишь?

– Старый друг? А кем он ей приходится?

– Не знаю. Но я его спросил: твоя девочка? Он ответил, к сожалению, не его. Я еще тогда удивился, что этот ловелас не смог обломать девчонку.

– Тогда, Иван Сергеевич, я хочу вас предупредить. Мне эта девочка очень нравится, и я собираюсь ухаживать за ней.

– Флаг тебе в руки!

– А ваш старый друг не будет в обиде?

– Дмитрий Степанович, откуда я знаю? Вот ты мне месяца через два и скажешь, был он в обиде или не был!

Прохоров, довольный разговором с директором, шел по коридору. В это время Есения все-таки решила пойти домой. Уходила она последняя, поэтому закрывать дверь пришлось ей. Ключ никак не хотел поворачиваться, она сосредоточенно колупалась в замке. Сумочка выскользнула и шлепнулась на пол, вывалив все свое содержимое. Есения, глядя на весь этот кошмар, чуть не заплакала. Она не знала, с дверью закончить, или ползать по коридору, собирая свои вещи. Прохоров тихо подошел, повернул ключ в замке двери.

– Давайте теперь собирать это.– Он развел руками, как бы показывая размеры бедствия.

У Сеньки на глазах от расстройства блеснули слезы. Она хотела произвести на Прохорова яркое впечатление своей красотой, элегантностью, а вышло все наоборот! Сейчас она будет ползать перед ним на корячках, собирая свои вещи.

– Вот, кошелек упал, – объяснила Прохорову Сенька, сев на корточки.

– Вижу.– Дмитрий Степанович тоже присел, помогая Сеньке запихивать ее добро в сумочку.

На полу по всему коридору, рассыпью, валялись: помада, косметичка, из которой, в свою очередь, выпало свое содержимое, зеркальце, связка ключей, какие-то салфеточки в упаковке, бумажные платки, кошелек, маленькая белая кошечка, две расчески – ежик и обычная, блокнотик, ручка шариковая и еще наименований пять. Для чего женщинам необходимы все эти вещи, и каким образом они помещаются в женскую сумочку, не понять ни одному мужчине. Но Прохоров складывал Сенькины принадлежности в сумку молча, без комментариев. Сенька не знала, куда деться от стыда.

– Она сама упала.– Произнесла девушка, имея в виду сумочку.

– Я понял.– Серьезно ответил Прохоров.

– Ключ в замке заело.– Продолжала объяснять Сенька.

– Вероятно.

– Дурацкий замок бракованный.

– Безобразие.

В процессе высокоинтеллектуальной беседы, все было собрано. Дмитрий Степанович, поддерживая Сеньку под руку, помог ей встать.

– Вы в порядке? – Спросил он, заметив, что Есения расстроена.

– Да, спасибо. Вы опять меня спасли.

– Ну уж, спас! Так, помог по мере сил. – Он смотрел на нее и улыбался своей обворожительной улыбкой.

Сенька успокоилась, ничего страшного не произошло!

– Есения, вы прелестно выглядите.

– Очень приятно слышать.

– Я хочу сегодня повторить свое приглашение: пойдете в ресторан? Поговорим, пообщаемся, поедем, конечно. Проявите милосердие – я еще не обедал. Страшно хочу есть!

Сенька, вспомнив свое решение – не развивать отношений с начальником, не знала, чем ему возразить. Поэтому, согласилась.

Они приехали в ресторан, расположенный неподалеку. Заказали еду. Сенька – немного, Дмитрий Степанович по полной программе, как говорится, первое, второе, третье и компот. Сеньке заказали бутылку красного французского вина, а Прохоров пить не мог – за рулем. Никуда они не спешили: Анну Ивановну предупредили, а его дома никто не ждет.

Разговаривали обо всем: о родителях, вспоминали детство, свои ребячьи шалости, школьную любовь. Было легко и весело.

– Есения, зовите меня Дмитрий, без отчества. Мы ведь не на работе. – Предложил он.

– Хорошо, я попробую.

Он нежно взял ее руку. Ладонка девушки легко уместилась в большой, сильной руке мужчины. Он поцеловал ее пальчики.

В груди у Сеньки все замерло, потом отмерло, потом куда-то ухнуло, может быть перемещалось бы еще долго, если бы Дмитрий не пригласил ее танцевать.

Они вышли на танцпол, он обнял ее, придвинул к себе и, глядя ей в глаза, хрипловатым голосом начал говорить, говорить, говорить...

Из-за громкой музыки она половину не разобрала, но это было неважно. Лишь бы слышать его голос, ощущать его горячее тело, чувствовать сильные руки.

Сенька была, как в тумане. Но этот туман был сладостным, туман любви и желания.

Ясность ума наступила у него в квартире, куда они прибыли по обоюдному согласию сторон. Сенька с удивлением оглядывалась:

– Как я здесь вообще оказалась?

Ум напоминал, что она решила не становиться его любовницей, но желание так овладело ее телом, что мозги не смогли остановить наплыва страстей и объяснить, что обещание «ну один только разочек», не только не решит всех проблем, а, наоборот, усугубит ситуацию. В эту ночь Сенька впервые не пришла ночевать домой. Ночь была страстной и бурной. Дмитрий, молодой и здоровый мужчина, в постели был бесподобен. В Сенькиной голове мелькнула мысль, что банкир близко не сравнится с ее новым любовником.

Под утро, насладившись любовью, утолив страсть, молодые люди заснули в объятиях друг друга. Они были счастливы, их сердца бились в унисон, их дыхание сливалось в одно, их тела еще находились в сладостной истоме, когда в двери повернулся ключ, и в квартиру влетела взбешенная дама:

– Проститутка! С – ка! Тварь подзаборная! Вон отсюда! – Она пыталась сдернуть с Сеньки простыню.

Дмитрий, спешно натянув штаны, бросился к разгневанной фурии:

– Раиса, прекрати! Ты зачем сюда явилась?! – Старался перекрыть ее Дмитрий.

Сеньке больше всего на свете хотелось убежать отсюда, но встать она не могла по причине полной своей обнаженности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.